Моисеенко
В плену у
немцев...
М., 1916.

№ 574433

ИМЛ — Библиотека
ГЖ 565
М 716

8801

Доброволецъ МОИСЕЕНКО.

ГЭС 565
М. 716

ВЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго округа.
1916.

И

Доброволецъ МОИСЕЕНКО.

ГЖ565
М 716

ВЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

Книгохранилище
Инв. № 8801

МОСКВА.
Типографія Штаба Московскаго военнаго округа.
1916.

К.) 1984

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЭС 565 р
М 716

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК К.П.С.С.

574433

ОТЪ АВТОРА.

Я былъ взятъ въ плѣнъ нѣмцами 6-го ноября 1914 г., а возвратился изъ плѣна въ качествѣ инвалида 16-го ноября 1915 г. Всего я пробылъ въ плѣну въ качествѣ нижняго чина годъ и два дня. Во время моего пребыванія въ плѣну мнѣ, какъ и остальнымъ плѣннымъ, приходилось работать, подвергаться разнымъ наказаніямъ и издѣвательствамъ со стороны нѣмцевъ.

Все, что я разсказываю о плѣнѣ, представляетъ собой только правду, все это пережито мной.

И. Моисеенко.

Въ плѣну у нѣмцевъ.

1. Наше плѣненіе.

Этотъ ужасный день,—день сдачи нѣмцамъ,—былъ 6-ое ноября 1914 г. Съ этого дня началась моя жизнь въ плѣну,—жизнь полная голода, страданій и униженій.

Послѣ долгаго, упорнаго боя, въ которомъ двумъ нашимъ ротамъ приходилось въ теченіе трехъ дней отбиваться отъ цѣлаго полка нѣмцевъ, вооруженныхъ артиллеріей и пулеметами, дальнѣйшее сопротивленіе стало невозможнымъ.

Что же сдѣлали тогда нѣмцы:

Они воспользовались нашимъ вынужденнымъ молчаніемъ, подвезли почти вплотную къ нашимъ окопамъ пулеметы и стали насъ разстрѣливать.

Началась бойня, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Спаслись изъ насъ только тѣ, кто во время успѣлъ спрятаться подъ трупами товарищей.

Насъ осталось въ живыхъ всего семьдесятъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ и раненыхъ.

Тогда нѣмцы прекратили пальбу.

Мы вышли изъ окоповъ. Нѣмцы насъ окружили, и тутъ начались уже грабежъ и избіеніе.

Били прикладами, кололи штыками. Даже раненыхъ не щадили.

Ружья нами были брошены (большинство солдатъ успѣло ихъ испортить).

Вотъ стоитъ какой то солдатъ, крѣпко держитъ свою винтовку и не отдаетъ ее нѣмцу.

Нѣмецъ тянетъ ружье къ себѣ, а нашъ не пускаетъ.

На несчастнаго посыпались удары прикладами, а онъ все упорствуетъ

Споръ разрѣшилъ какой то нѣмецкій офицеръ.

Прокричавъ ругательство, онъ взмахнулъ саблей.

Солдатъ упалъ съ разрубленной головой, но все-таки до послѣдняго вздоха ружья не отдалъ.

При этомъ происходилъ самый беззастѣнчивый грабежъ.

Наши кольца, часы, кошельки, теплая одежда, сапоги— все перешло въ собственность нѣмецкихъ солдатъ.

Понравится какому-нибудь нѣмцу фуфайка, онъ знаками показываетъ солдату снять ее и поощряетъ его ударами приклада.

Нѣмецкіе солдаты тутъ же стали переодѣваться: побросали свои башмаки, надѣли наши сапоги, теплое бѣлье, а нашимъ солдатамъ оставили свое негодное.

Шинели также отобрали.

Долго пришлось намъ мерзнуть, стоя на холодѣ раздѣтыми.

А вотъ проходитъ по рядамъ плѣнныхъ какой-то нѣмецъ, и, держа въ рукахъ русскій рубль, допытывается:

—„Есть ли у Васъ рубль?“

—„Да нѣтъ же все отобрали“,—отвѣчаютъ наши солдаты, понявъ, чего ищетъ нѣмецъ съ рублемъ въ рукахъ.

Грабежъ происходилъ въ присутствіи нѣмецкихъ офицеровъ, которые глядя на эту картину, только посмѣивались, между тѣмъ грабители отнимали не только нужныя для нихъ вещи, но даже хлѣбъ и сухари, которые они тутъ же выбрасывали.

Когда же нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ пытались поднять разбросанный хлѣбъ и сухари, то получали за это удары прикладами.

Затѣмъ, раздѣтыхъ и избитыхъ насъ погнали, и вотъ тутъ то я впервые услыхалъ слово, которое затѣмъ во все время своего плѣна ежедневно слышалъ отъ нѣмцевъ:

—„Впередъ проклятые“.

Такъ крикнулъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ, а затѣмъ раздалась команда—„бѣгомъ“, и наша партія побѣжала.

Очевидно нѣмцы боялись, что ихъ наши нагонятъ.

Холодный ноябрьскій день. Грязь по колѣно.

Оборваннымъ и раздѣтымъ намъ приходилось бѣжать.

Ѣды не было, такъ какъ все съѣдобное нѣмцы отняли.

Въ первый же день мы ощутили голодъ, съ которымъ не разставались въ теченіе цѣлаго года.

Ночью пришли въ городъ Згержъ. Ночевали здѣсь, а утромъ снова въ путь.

И снова,—или быстрымъ шагомъ или бѣгомъ.

Выбьешься изъ силъ, остановишься и сейчасъ же почувствуешь ударъ прикладомъ въ спину и окрикъ:—„бѣгомъ проклятые“.

И снова приходилось бѣжать.

Первые два дня мы безъ ѣды кое-какъ терпѣли.

Трудно было и бѣжать, но что дѣлать.

Нѣмецкій прикладъ придавалъ силу.

Вторую ночь провели въ городѣ Ленчицѣ.

Утромъ выстроили насъ на площади.

Третьи сутки безъ ѣды. Мы стояли блѣдные, измученные голодомъ и непрерывнымъ бѣгомъ.

А около насъ толпился народъ: кто держалъ въ рукахъ хлѣбъ, кто миску съ какой нибудь ѣдой. Одна женщина принесла ведро чаю и чашки.

Всѣ хотѣли намъ помочь, но цѣпи нѣмецкихъ часовыхъ крѣпко насъ охраняли.

Несмотря на мольбу польскихъ женщинъ позволить передать намъ ѣду, нѣмцы отвѣчали намъ ругательствами, а особенно настойчивымъ просительницамъ досталось по нѣсколько ударовъ прикладами.

Я видѣлъ, какъ плакали женщины, когда имъ не удалось передать намъ пищу.

Вотъ какая-то старуха осторожно подкралась ко мнѣ.

Протягиваетъ тарелку супа. Я беру, но часовой замѣтилъ это.

Ударъ приклада, и тарелка разбивается. Старуха въ слезахъ отходитъ въ сторону.

Снова „бѣгомъ", и опять начинается бѣгъ.

Третій день мы перенесли съ большимъ трудомъ.

Многіе изъ насъ падали отъ изнеможенія, просили дать воды, но ничего не помогало.

Колодцевъ всюду много, одинъ изъ нашихъ задумалъ подойти достать воды и жестоко за это пострадалъ.

Конвойный ткнулъ его штыкомъ въ пахъ.

Идя по полю, я нашелъ огромную брюкву. Схватилъ ее и съ жадностью съѣлъ. Вкусна показалась мнѣ не чищенная брюква.

Третью ночь мы провели въ конюшнѣ, въ городѣ Коло, гдѣ къ намъ присоединилась еще партія плѣнныхъ.

Опять наши надежды на ѣду не оправдались. Не только не давали есть, но, какъ и раньше, не разрѣшили населенію намъ помочь.

Утромъ городское самоуправленіе приготовило для насъ чай и хлѣбъ. На улицахъ были поставлены столы съ самоварами и массой хлѣба.

Все это мы видѣли изъ окна конюшни и радовались, расчитывая хотя отчасти утолить голодъ, но и здѣсь насъ ждало разочарованіе.

Поить чаемъ и кормить плѣнныхъ нѣмцы не разрѣшили.

Печальные прошли мы мимо кипящихъ самоваровъ.

Опять путь безъ ѣды и отдыха.

Въ какой то деревушкѣ старуха сунула мнѣ въ руку три печеныхъ картофелины. Съѣлъ съ жадностью.

Въ одной деревнѣ какому то старику удалось проникнуть къ намъ и раздать кадушку шинкованной капусты. Все это мы расхватали и съѣли.

На четвертыя сутки мы уже бѣжать не могли, а только медленно брели.

Никакіе удары прикладами не помогли.

Измученный и истощенный солдатъ падалъ послѣ перваго же толчка, и его приходилось поднимать

Недалеко отъ города Конина смѣнился конвой.

Около меня шелъ какой то нѣмецкій вольноопредѣляющійся.

Я съ нимъ разговорился, такъ какъ знаю нѣмецкій языкъ. Онъ оказался студентомъ-юристомъ Берлинскаго университета.

Узнавъ, что я тоже вольноопредѣляющійся, и что я учился въ университетѣ, онъ сдѣлался словоохотливымъ.

Мы съ нимъ долго и оживленно бесѣдовали, спорили и казалось, совсѣмъ забыли, что онъ конвойный, а я плѣнный.

Увлекся я разговоромъ и голодъ забылъ.

Но вотъ раздалась команда „бѣгомъ“ и всѣ побѣжали.

У меня на ступняхъ образовались кровавыя мозоли. Онѣ лопнули, и кровь сочилась сквозь рваный башмакъ.

Боясь, чтобы кто-нибудь меня не толкнулъ, я побѣжалъ, отойдя немного въ сторону.

Вдругъ, чувствую ударъ прикладомъ въ спину, затѣмъ второй.

Я падаю и чувствую, что меня ударили еще разъ.

Поворачиваюсь назадъ и вижу, что получилъ ударъ отъ своего новаго пріятеля—нѣмецкаго вольноопредѣляющагося.

„Отвратительно“,—сказалъ я ему, а онъ смѣется.

Весело хохочетъ, какъ-будто, Богъ знаетъ, какую веселую шутку выкинулъ.

„Буду я помнить нѣмецкаго вольноопредѣляющагося“, съ горечью подумалъ я.

Вотъ и городъ Конинъ.

Здѣсь впервые за $3^1/_2$ сутокъ намъ дали по куску хлѣба, да и то не нѣмцы.

Жители города Конина, послѣ настойчивыхъ просьбъ, добились отъ нѣмцевъ разрѣшенія дать намъ хлѣба.

Ночевали мы въ государственныхъ конюшняхъ.

Только что легли, начался обыскъ. Каждую ночь нѣмцы насъ обыскивали.

Въ наше отдѣленіе вбѣжалъ какой-то нѣмецъ и съ крикомъ: „патроны“, началъ обыскивать.

„Ищи, ищи патроны; можетъ быть, и найдешь“,—смѣялись наши солдаты.

Оказалось, что нѣмецъ искалъ вовсе не патроновъ.

Окончивъ обыскъ онъ поспѣшилъ скрыться.

„Деньги, мои деньги!“, закричалъ нашъ унтеръ-офицеръ.

Оказалось, что ему удалось спрятать отъ нѣмцевъ деньги. Всѣ обыски прошли благополучно, и вотъ сегодня онъ попался.

Обыскивающій нѣмецъ вмѣсто патроновъ удовольствовался деньгами.

„Вѣдь денегъ-то тридцать рублей было“, жаловался унтеръ-офицеръ. Что было дѣлать. Обратиться не къ кому. Только изобьютъ и больше ничего.

9-го ноября, утромъ, городское самоуправленіе г. Конина роздало намъ супъ, и вотъ, впервые за четверо сутокъ, мы наѣлись.

Ушли изъ города провожаемые толпой плачущихъ женщинъ. Какъ будто насъ хоронили.

„Не унывайте, возвращайтесь здоровыми“—кричали онѣ намъ и долго еще махали намъ платками.

И у насъ на глазахъ появились слезы.

Русская земля кончалась, показалась граница.

Вотъ мостикъ. Около—столбъ съ надписью „Россія“, рядомъ другой столбъ—надпись „Германія“.

Со слезами мы переходили границу. Многіе крестились.

Только вступили на нѣмецкую землю, сразу измѣнилось отношеніе жителей.

Мы—среди враговъ.

Вотъ какіе-то ребята бѣгутъ за нами съ криками:

„Проклятые, проклятые“.

Въ полѣ баба грозитъ намъ вилами.

Черезъ города насъ истомленныхъ, измученныхъ гнали бѣгомъ.

Кругомъ толпа. Всюду крики и ругательства.

Вотъ и вокзалъ. Посадили насъ въ товарные вагоны (по шестьдесятъ человѣкъ въ вагонъ) Заперли двери, и поѣздъ тронулся.

Полутора сутокъ въ вагонѣ безъ ѣды.

Даже не выпускали для отправленія естественныхъ надобностей.

Тѣснота, духота. Ни сидѣть, ни лежать. Приходилось большую часть въ пути стоять.

Нужно на станціи выйти, но что сдѣлаешь, когда вагонъ запертъ и на всѣ стуки никто не отзывается.

Въ открытую форточку видны толпящіеся на станціяхъ нѣмцы.

Опять слышны ругательства и больше ничего.

На одной изъ станцій произошло событіе, едва не окончившееся для одного изъ насъ печально.

Въ вагонѣ былъ съ нами одинъ больной желудкомъ.

Пришлось ему для своихъ надобностей воспользоваться котелкомъ, который ему какъ-то удалось уберечь отъ нѣмцевъ.

На станціи, когда поѣздъ уже отходилъ, больной выкинулъ котелокъ въ форточку и случайно попалъ въ лицо нѣмецкому унтеръ-офицеру.

Содержимое котелка испачкало нѣмцу все лицо.

Поѣздъ остановился. Начали искать виновнаго.

По вагонамъ съ револьверомъ въ рукахъ бѣгалъ потерпѣвшій унтеръ-офицеръ (онъ даже не омылъ лицо). Искали виновнаго. Многихъ били, но виноватаго все-таки не обнаружили.

Все окончилось для насъ благополучно.

Въ Берлинѣ нашъ поѣздъ стоялъ рядомъ съ пассажирскимъ.

Нарядная берлинская публика изъ вагоновъ пассажирскаго поѣзда осыпала насъ ругательствами и угрозами.

Какой-то полный, франтовато одѣтый нѣмецъ плеснулъ намъ въ форточку остатокъ кофе.

Среди свистковъ и криковъ злорадствующей толпы нашъ поѣздъ отошелъ отъ станціи „Берлинъ".

Три часа пути, и мы въ городѣ Бранденбургѣ.

Опять та же враждебная толпа и снова крики: „Росс и конецъ!"

Отсюда насъ повели пѣшкомъ въ лагерь, гдѣ мнѣ пришлось прожить цѣлый годъ.

2. Лагерь для военноплѣнныхъ.

Лагерь былъ устроенъ на кирпичномъ заводѣ.

Всѣ жилыя заводскія помѣщенія были заняты нѣмцами.

Для плѣнныхъ былъ отведенъ только одинъ баракъ.

Выстроили насъ на плацу.

Пришелъ комендантъ лагеря, генералъ Бонинъ, высокій, сухой старикъ. Здѣсь я въ первый разъ увидалъ, какъ нѣмцы колотятъ плѣнныхъ палками.

Пришли унтеръ-офицеры. У каждаго за голенищемъ палка, или плетеная изъ тростника, или деревянная, окованная мѣдью.

Начали разбивать насъ на роты. Въ каждой ротѣ триста человѣкъ.

При незнаніи языка не мудрено, что солдаты не сразу понимали, что нѣмцу отъ насъ было нужно.

„Проклятыя свиньи“, кричалъ раздраженный нѣмецъ и пускалъ въ ходъ палку.

Въ первый же день многіе изъ насъ были избиты.

Все это дѣлалось въ присутствіи генерала, который только посмѣивался.

Выдали намъ одѣяла, мѣшокъ для набивки стружками, вмѣсто матраца, миски и ложки.

Мѣсто для жилья пришлось отыскивать самимъ.

Въ первую ночь спали подъ открытымъ небомъ.

Безъ шинелей, подъ однимъ одѣяломъ холодно.

Бывало ночью вскочишь, побѣгаешь, согрѣешься и опять ложишься.

На другой день начали землянки копать.

Нѣмцы не дали даже лопатъ.

Въ плѣну быстро ко всему приспособляешься. Стали землю копать досками.

Выкопали большія ямы, въ которыя забирались по четыре—пять человѣкъ.

Было тепло; только одно неудобство: въ случаѣ дождя яма наполнялась водой, и тогда приходилось изъ нея выходить.

Собирались въ кучу и спали прямо подъ дождемъ.

Черезъ двѣ недѣли нѣмцы выдали доски и разрѣшили строить бараки и землянки.

Было выстроено шесть бараковъ и 20—25 землянокъ.

Жизнь вошла въ колею.

Во главѣ каждой роты, кромѣ унтеръ-офицера, въ качествѣ его подчиненнаго, былъ поставленъ русскіи унтеръ-офицеръ и русскій переводчикъ.

Весь лагерь былъ раздѣленъ на батальоны, которыми командовали нѣмецкіе оберъ-лейтенанты (подпоручики).

Порядокъ дня былъ такой. Утромъ выдавался чай и полфунта хлѣба. Позднѣе чай былъ замѣненъ такъ-называемой „болтушкой“.

„Болтушка“,—это чисто мѣстное лагерное кушанье и представляетъ собою кипяченую воду, жидко заболтанную, обычно, прогорклой мукой.

Изъ плѣнныхъ не всякій могъ пить болтушку. Значительная часть насъ предпочитала пить чай, опять-таки мѣстнаго уже собственнаго изобрѣтенія: „Чай изъ корочки“.

„Чай изъ корочки“ приготовлялся слѣдующимъ образомъ:

Брали корку хлѣба, обжигали ее на огнѣ и уголь, полученный отъ этого обжиганія, заваривали вмѣсто чая.

Иногда заваривали пережженый сахаръ. Получалось впечатлѣніе плохого цикорія.

Первое время хлѣбъ выдавали намъ не очень плохой, все-таки можно было ѣсть, но черезъ мѣсяцъ житья въ плѣну, намъ стали выдавать хлѣбъ, состоящій: одна треть муки, треть протертой соломы, а остальное картошка.

Отъ питанія этимъ хлѣбомъ въ лагерѣ появилось много желудочныхъ заболѣваній.

Хлѣбъ и чай или „болтушка“ выдавались въ шесть часовъ утра. Затѣмъ происходила повѣрка, которая занимала часъ—полтора.

Для повѣрки русскіе унтеръ-офицеры выстраивали роты и дѣлали поименную перекличку солдатъ.

Затѣмъ появлялся нѣмецкій унтеръ-офицеръ, и русскій унтеръ-офицеръ обязанъ былъ командовать „смирно“.

Солдаты вытягивались въ струнку, такъ-какъ нѣмецкіе унтеръ-офицеры строго слѣдили, чтобы рота стояла передъ ними на вытяжку.

Бѣда, если нѣмецъ замѣтитъ, что кто-нибудь во время повѣрки повернулся или сказалъ что-нибудь своему товарищу.

На виновника сыплются удары палокъ.

Иногда еще попадетъ пинокъ ногой.

Будутъ памятны эти пинки. Немало отъ нихъ пострадало плѣнныхъ и немало изъ-за нихъ попало въ лазаретъ.

Дѣло въ томъ, что нѣмцы всегда стараются ткнуть или въ животъ, или въ пахъ.

„Проклятые, проклятые“, только и раздаются окрики унтеръ-офицеровъ.

Къ концу повѣрки является оберъ-лейтенантъ.

Снова команда „смирно“.

Оберъ-лейтенантъ уходитъ.

Если рота ничѣмъ не разгнѣвала унтеръ-офицера,—стояла смирно, никто не разговаривалъ,—то плѣннымъ разрѣшается войти въ баракъ.

Но бѣда, если рота чѣмъ-либо прогнѣвила своего нѣмецкаго унтеръ-офицера, который является въ ней безконтрольнымъ хозяиномъ.

Въ этомъ случаѣ, ротный, часъ—два не отпускаетъ роту, приказываетъ бѣгать, ползать, несмотря на холодную погоду и снѣгъ, а затѣмъ заставляетъ стоять „смирно“.

Случалось, что рота выстаивала, такимъ образомъ, по часу на снѣгу, въ изорванныхъ башмакахъ или деревянныхъ туфляхъ, которые были выданы тѣмъ, кто пришелъ въ Бранденбургъ босякомъ.

Послѣ повѣрки—работа; строимъ бараки, чистимъ отхожія мѣста, часть изъ насъ ходитъ на кладбище рыть могилы.

Въ двѣнадцать часовъ обѣдъ. Въ первое время на обѣдъ варили грязные бобы, смѣшанные съ картофельной шелухой (очищенный картофель шелъ на нѣмецкую кухню).

Позднѣе бобы были замѣнены брюквой, которая въ теченіе восьми мѣсяцевъ неизмѣнно подавалась намъ на обѣдъ. Лѣтомъ брюква была замѣнена конскимъ щавелемъ.

Ни мяса, ни сала на обѣдъ не полагалось.

Въ теченіе цѣлаго года одинъ разъ, въ первый день Пасхи, въ супѣ были легкія, да и тѣ настолько протухлыя, что ихъ невозможно было ѣсть.

Одинъ изъ вольноопредѣляющихся, 32-й роты, изъ своей миски набралъ баночку червей изъ легкихъ. Черви были переданы нѣмецкому врачу, но толку изъ этого никакого не получилось. Только протестантъ былъ наказанъ за свою дерзость.

Супа обычно выдавалось черпакъ — полторы тарелки. Голодные и истощенные плѣнные, конечно, и на такой обѣдъ съ жадностью накидывались.

Нѣкоторые изъ наиболѣе наголодавшихся пытались получить еще добавокъ супа, который всегда оставался.

Вотъ это уже у нѣмцевъ считалось большимъ преступленіемъ.

Они предпочитали остатки супа унести обратно на кухню, чѣмъ раздать его голоднымъ плѣннымъ.

Раздача обѣда плѣннымъ,—это сплошное избіеніе.

Нѣмецкіе унтеръ-офицеры били палками и за попытку получить лишній черпакъ пищи, и за то, что сталъ не въ очередь.

Тѣснится около бака съ пищей голодная толпа, для установленія порядка снова появляется палка.

Въ ноябрѣ прошлаго года, въ нашемъ лагерѣ, въ 30-й ротѣ, нѣмецкій унтеръ-офицеръ, желѣзнымъ черпакомъ разбилъ голову плѣнному за то, что несчастный попросилъ добавить ему пищи.

Плѣннаго съ разбитой головой отправили въ лазаретъ. Только и всего.

Пробовали мы обращаться къ нѣмецкому врачу съ жалобой на жестокость унтеръ-офицеровъ. Также безрезультатно.

Врачъ о нашей жалобѣ сказалъ унтеръ-офицерамъ, которые еще болѣе озлились.

Признанные изъ насъ зачинщиками, были привязаны къ столбу или поставлены подъ кирпичи.

Наказаніе—привязываніе къ столбу—заключается въ слѣдующемъ:

Къ столбу ставится подставка, на которую всходитъ наказуемый. Руки и ноги привязываются къ столбу, послѣ чего подставка изъ-подъ ногъ убирается.

Несчастный долженъ висѣть въ такомъ положеніи на холодѣ два часа.

Не каждый способенъ выдержать такую пытку.

Часто привязанныхъ къ столбу въ обморокѣ приходилось уносить въ лазаретъ.

Наказаніе это обычное.

Не проходитъ дня, чтобы въ каждой ротѣ не было случая хоть одного наказанія, привязываніемъ къ столбу.

Обыкновенно, около столба собирается толпа нѣмецкихъ солдатъ и всячески издѣвается надъ наказаннымъ.

„Что, проклятая свинья, висишь",—обращаются нѣмцы къ повѣшенному на столбѣ и смѣются.

Наказаніе „подъ кирпичи" таково: провинившагося заставляютъ въ теченіе 1—2 часовъ держать въ каждой рукѣ по кирпичу, причемъ руки должны быть выворочены ладонями въ стороны.

10—15 минутъ, такимъ образомъ, кирпичи можно держать, но затѣмъ руки начинаютъ дрожать и вамъ приходится дѣлать неимовѣрныя усилія, чтобы не выпустить кирпичей.

Въ концѣ-концовъ, руки слабѣютъ, и кирпичи все-таки падаютъ.

Тогда васъ привязываютъ къ столбу, въ наказаніе за неисполненіе приказанія нѣмецкаго унтеръ-офицера; вамъ приказано держать кирпичи, вы ихъ выронили.

Не принимается во вниманіе, что 1—2 часа невозможно держать такой тяжести.

Цѣлый день лагерь украшается фигурами: тотъ привязанъ къ столбу, этотъ стоитъ подъ кирпичами, а въ другихъ мѣстахъ раздаются удары палокъ и крики:

„Проклятые".

Въ началѣ нашего плѣна одинъ изъ насъ былъ привязанъ за то, что пожаловался офицеру на своего унтеръ офицера. Дѣло было въ слѣдующемъ: плѣнный попросилъ своего ближайшаго начальника, нѣмецкаго унтеръ-офицера, купить ему папиросъ. Въ лагерѣ лавочки не было и папиросы мы доставали черезъ нѣмцевъ, которые за доставку безсовѣстно драли съ насъ. Плѣнный далъ нѣмцу на папиросы трехрублевую бумажку.

На другой день нѣмецъ принесъ десятокъ папиросъ, стоющихъ въ Германіи 8 пфенниговъ (4 к.). Сдачи никакой. На вопросъ о сдачѣ, нѣмецкій унтеръ-офицеръ отвѣтилъ, что остальное пойдетъ ему на пиво. Никакіе протесты не помогли.

Нѣмецъ денегъ не отдавалъ. Только хохоталъ, да помахивалъ палкой.

На другой день этотъ плѣнный на повѣркѣ обратился съ жалобой къ офицеру. Послѣдній никакого вниманія на жалобу не обратилъ, а только сдѣлалъ своему унтеръ-офицеру выговоръ, за то, что онъ не держитъ своихъ солдатъ въ повиновеніи.

Несчастный и деньги потерялъ и былъ привязанъ къ столбу. Затѣмъ, во все время плѣна, пока этотъ нѣмецъ командовалъ нашей ротой, онъ былъ постоянно на плохомъ счету и постоянно подвергался всякаго рода наказаніямъ.

Такихъ случаевъ обмана, при покупкахъ для плѣнныхъ, со стороны унтеръ-офицеровъ, была масса.

Такъ сахаръ, стоющій 30 пфенниговъ фунтъ, продавался солдатамъ по 1—1½ марки, селедка, стоющая 8 пфенниговъ, нѣмецкими унтеръ-офицерами продавалась по 40—50 пфенниговъ.

Барышничество такъ увлекло нѣмцевъ, что они даже стали принуждать солдатъ къ покупкамъ.

Иногда, чтобы избѣжать наказанія, приходилось давать нѣмецкому унтеръ-офицеру деньги, съ просьбой что-нибудь купить.

Нѣмецъ великолѣпно понималъ, что значитъ, если приговоренный къ привязыванію къ столбу суетъ ему въ руку 1—2 марки и проситъ купить селедку.

Селедка покупалась, а сдача, конечно, шла нѣмцу на пиво.

Немного успѣли плѣнные уберечь отъ нѣмецкихъ грабежей при взятіи въ плѣнъ, но и это здѣсь приходилось отдавать.

Увидитъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ поясъ. Посмотритъ, похвалитъ, такъ и знай, что поясъ нужно отдать нѣмцу.

Въ противномъ случаѣ, недогадливый много разъ наказывался, пока, наконецъ, не понималъ, въ чемъ дѣло. Возьметъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ поясъ, да еще сначала откажется, затѣмъ поблагодаритъ и моментально мѣняется отношеніе къ плѣнному.

Такими подачками, часто приходилось избавляться отъ наказанія.

Что дѣлать, лучше послѣднее отдать, чтобы только избавиться отъ нѣмецкихъ пытокъ.

Заканчивается день ужиномъ—или бобы, оставшіеся отъ обѣда или недоваренная брюква.

Голодные встали, голодные и легли спать.

Наконецъ, поселились въ баракахъ. Чувствовалась какая-то даже гордость—сами выстроили.

Правда, было тѣсно и душно, но все-таки, сравнительно, тепло, а это уже хорошо.

Въ небольшомъ баракѣ помѣщалось 1200 человѣкъ.

Были устроены двойныя нары—одна подъ другой.

Спали на полу въ рядъ плотной массой, человѣкъ къ человѣку, затѣмъ выше на нарахъ также, а затѣмъ еще выше, на слѣдующихъ нарахъ, то же самое.

Освѣщенія никакого. Свѣчи зажигать запрещалось.

Случалось, вечеромъ, зажжешь свѣчу. Немедленно является патруль.

Пока найдутъ виновнаго, до тѣхъ поръ, десятка два плѣнныхъ уже избито прикладомъ.

У каждаго часового имѣется электрическій фонарь. Освѣтитъ нары и лупитъ лежащихъ на нихъ—виноватаго отыскать особенно не старается.

„Всѣ виноваты". Такъ и чувствовали себя въ чемъ-то виноватыми.

Отапливался баракъ маленькой печкой, а иногда и двумя. Для печекъ требовался каменный уголь, котораго нѣмцы давали очень мало, да и то не каждый день.

Приходилось мерзнуть; на всѣ просьбы дать угля нѣмецкіе унтеръ-офицеры отвѣчали ругательствами и побоями.

Грязь въ баракахъ была постоянно. Да и всѣ плѣнные, за отсутствіемъ бани и чистаго бѣлья, загрязнѣли и обовшивѣли.

Бѣлье не смѣнялось. Чистаго бѣлья нѣмцы не выдавали, а своего не было, такъ какъ все было отобрано, когда мы попали въ плѣнъ.

Въ теченіе цѣлаго года на роту въ 300 человѣкъ нѣмцы выдали всего 40 перемѣнъ бѣлья. Да не всѣ роты еще и это получили.

Цѣлые дни сидишь на нарахъ закутанный въ одѣяло, а кругомъ все, буквально, усѣяно вшами.

На нѣкоторыхъ вшей было такъ много, что онѣ, при ходьбѣ, буквально, сыпались съ одѣялъ.

Бывало, въ теплый день, плѣнные толпой усаживались около озера, которое занимало половину лагеря, снимали рубахи и расправлялись со своими „врагами".

Берега озера были усѣяны какими-то голыми людьми, которые что то тщательно искали въ своемъ бѣльѣ.

Лѣчили насъ чрезвычайно просто. Во-первыхъ, надо сказать, что за время путешествія нашего въ г. Бранденбургъ, раненымъ не было сдѣлано ни одной перевязки. Такъ съ нами шло много раненныхъ въ руку, у которыхъ въ ранахъ завелись черви.

Правда, въ лагерѣ Бранденбургѣ, слѣдовательно, на пятый день нашего плѣна, всѣ раны были перевязаны.

Какъ относился къ намъ нѣмецкій медицинскій персоналъ въ нашемъ лагерѣ, видно изъ того, что въ околотокъ (амбулаторія) на пріемъ даже и тяжело больные итти не рѣшались.

Были наивные, которые въ первое время, какъ открылся околотокъ, кинулись къ нѣмецкому доктору со своими недугами—у кого грудь болитъ, поносъ и пр.

Сунулся и я лѣчить свои ноги.

„Смирно стоять", закричалъ на меня нѣмецкій врачъ.

Оказывается, что я передъ врачемъ не всталъ на вытяжку.

Спасибо, что ограничился только окрикомъ.

Одному больному отъ доктора попало въ грудь кулакомъ, другого онъ такъ потресъ за плечи, что больной упалъ.

Нѣмецкій врачъ оказался очень расторопнымъ.

„Свиньи, свиньи", только и раздавались окрики доктора.

Больные оробѣли, и при приближеніи къ нимъ врача испуганно пятились къ дверямъ, что еще больше сердило нѣмца.

Околотокъ быстро опустѣлъ. Пріемъ окончился.

„Нѣтъ, больше не пойду",—говорилъ каждый посѣтитель околотка.

Даже, когда впервые въ лагерѣ появился тифъ, то этотъ нѣмецкій врачъ (по виду своему и поведенію онъ напоминаетъ ротнаго унтеръ-офицера) не измѣнилъ своей тактики.

Горе тифозному больному, который при температурѣ въ 40 градусовъ, не станетъ передъ нимъ „смирно".

Околотокъ среди плѣнныхъ пользовался дурной славой, и многіе предпочитали оставаться безъ лѣченія, чѣмъ рисковать попасть на смотръ къ нѣмецкому врачу.

„Своя жизнь дороже", говорили больные солдаты, и продолжали лежать въ баракахъ.

Только нѣкоторымъ изъ раненыхъ въ первое время повезло.

Было у насъ трое раненыхъ: одинъ шрапнельной пулей въ бедро, при чемъ пуля проникла въ ступню, другой раненъ пикой въ глазъ, третій шрапнельной пулей въ плечо, пуля вышла около локтя.

Эти трое раненыхъ почему-то пользовались у нѣмцевъ большимъ почетомъ. За ними ухаживали нѣмецкіе врачи, повидимому, только что окончившіе студенты. Кормили ихъ мясомъ, давали даже молоко, котораго и сами нѣмцы не получали.

574433

Мы долго удивлялись, не понимая, почему эти раненые пользуются такимъ вниманіемъ со стороны нѣмецкихъ врачей.

Вскорѣ все это выяснилось.

Оказывается, нѣмецкіе недоучившіеся врачи хотѣли доучиваться на нашихъ раненыхъ.

Ухаживали они за ранеными для того, чтобы расположить ихъ въ свою пользу, а затѣмъ произвести интересныя для себя операціи.

Такъ, раненаго пулей въ ногу, у котораго нога все-таки дѣйствовала, они уговаривали согласиться на ампутацію ноги.

Раненый не соглашался, такъ какъ самъ и безъ нѣмецкихъ врачей видѣлъ, что нога поправляется.

Послѣ отказовъ раненаго нѣмцы не успокоились, а пытались противъ его желанія отрѣзать ногу, и только послѣ большого скандала, устроеннаго раненымъ, нѣмцы отказались отъ своихъ плановъ произвести для нихъ интересную операцію.

Также вели себя они и съ другими двумя ранеными.

У раненаго, у котораго былъ выбитъ лѣвый глазъ, они пытались вынуть и правый.

Но и этотъ плѣнный также отказался помогать нѣмцамъ докончить свое медицинское образованіе.

Раненый въ руку тоже отказался дать себѣ отрѣзать руку, ссылаясь на то, что рука уже и безъ операціи дѣйствуетъ.

Долго нѣмецкіе врачи уговаривали этихъ раненыхъ, но когда всѣ попытки склонить ихъ къ операціи оказались тщетными, отношеніе къ нимъ моментально измѣнилось.

Нѣмецкіе врачи исчезли.

Ни одинъ изъ нихъ даже не подошелъ къ этимъ раненымъ. Исчезло и мясо и молоко.

Вотъ въ чемъ заключается секретъ ухаживанія нѣмецкихъ врачей за нѣкоторыми изъ русскихъ раненыхъ.

Въ концѣ ноября намъ разрѣшили писать домой письма, но предупредили, что ежедневно отъ роты въ 300 человѣкъ, можно отправлять только пять писемъ. Одно письмо на каждаго плѣннаго въ два мѣсяца. Мы спѣшили писать, но здѣсь мы наткнулись на новую преграду.

Цензоръ русскихъ писемъ, нѣмецкій унтеръ-офицеръ, съ трудомъ могъ читать по русски. Каждое, трудное или непонятное для него слово, заставляло его рвать письмо. Такія разорванныя письма ежедневно массами выкидывались изъ комендатуры.

Съ ними настолько не церемонились, что письма эти выбрасывались прямо къ намъ въ лагерь. Письма отъ насъ въ Россію, шли очень медленно. Каждое письмо, прежде

чѣмъ прочитаетъ его нѣмецкій унтеръ-офицеръ, лежитъ 2—3 недѣли, такъ сказать, ждетъ очереди. Затѣмъ, послѣ того, какъ цензоръ поставитъ свой штемпель, письмо должно быть отправлено не ранѣе, чѣмъ черезъ 12 дней, какъ установлено для писемъ всѣхъ плѣнныхъ въ Германіи. Такимъ образомъ, наши письма лежали въ комендатурѣ не менѣе мѣсяца.

Немногимъ счастливцамъ удалось дать знать о себѣ на родину.

Нѣкоторые пытались посылать телеграммы.

Первыя деньги, посылки и письма изъ Россіи въ нашемъ лагерѣ появились только въ половинѣ февраля.

Посылки тщательно вскрывались. Письма или газеты, положенныя въ посылку, немедленно уничтожались.

Посылокъ получалось сравнительно немного: 200—300 посылокъ въ каждую выдачу (выдача происходила 2 раза въ недѣлю).

И это на 12000 плѣнныхъ, въ то время, какъ французы, жившіе съ нами въ лагерѣ, получали въ каждую выдачу по сотнѣ посылокъ (всего французовъ было 250 человѣкъ).

Послѣднее объясняется, отчасти, тѣмъ, что письма французовъ (на сколько мнѣ извѣстно) отправлялись аккуратнѣе.

Цензоромъ французскихъ писемъ былъ ротный командиръ плѣнныхъ французовъ, хорошо владѣвшій французскимъ языкомъ.

Вообще къ французамъ нѣмцы относились значительно вѣжливѣе и предупредительнѣе, чѣмъ къ намъ.

Ругательствъ никакихъ. Наказаній также не было.

Когда была устроена баня, французамъ всегда разрѣшалось мыться отдѣльно отъ русскихъ.

Даже посылки французовъ не всегда вскрывались.

Правда, французы и вели себя значительно сдержаннѣе нашихъ.

Но послѣднее объясняется тѣмъ, что наши были изморены голодомъ и озлоблены побоями.

Какъ съ ними могли сравняться русскіе плѣнные, которымъ приходилось питаться только нѣмецкой пищей, вызывавшей отвращеніе даже у животныхъ.

Вотъ какой былъ случай.

Приходитъ какъ то разъ въ роту нашъ ротный унтеръ-офицеръ Вольфъ и чему то смѣется.

Оказывается, въ нашемъ лагерѣ, въ нѣмецкой его части, завели свиней, которыхъ вздумали кормить ѣдой, оставшейся отъ нашихъ обѣда и ужина.

И что же? Вольфъ безумно хохочетъ, оказалось: что свиньи не стали ѣсть нашу ѣду.

„Русскіе плѣнные съ жадностью ѣдятъ, да имъ не даютъ, а нѣмецкимъ свиньямъ предлагаютъ, а онѣ отказываются“.

Неправда ли, очень остроумно? Вольфъ неудержимо хохочетъ.

3. Сыпной тифъ и голодъ.

Уже давно среди плѣнныхъ ходили слухи о заболѣваніяхъ сыпнымъ тифомъ, но имъ не придавали особеннаго значенія.

Голодный тифъ давно ждали, и какъ-то спокойно къ этому относились.

10—20 новыхъ заболѣваній въ день, казались намъ пустяками.

Да и времени, и желанія думать о тифѣ совершенно не было. Когда думать о заболѣваніяхъ, если каждый день приноситъ свои существенныя новости: то унтеръ-офицеръ комунибудь голову палкой разобьетъ, то нанесетъ рану тесакомъ, то какая нибудь рота останется безъ обѣда за не совсѣмъ почтительное отношеніе къ своему унтеръ-офицеру. Да и работы было много. Приходилось спѣшить достраивать бараки и землянки.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ тифъ мало кого занималъ. Кромѣ того, всѣ были истощены голодомъ. Въ лагерѣ только и разговоровъ было объ ѣдѣ и о нѣмецкихъ унтеръ-офицерахъ.

Но вотъ въ срединѣ декабря тифъ сталъ разрастаться, и заболѣванія участились,—ежедневно заболѣвало до сотни плѣнныхъ. Въ лагерѣ началась тревога.

Вскорѣ, впервые въ лагерѣ появились русскіе врачи и фельдшера. Изъ разныхъ лагерей въ Бранденбургъ пріѣхало 40 врачей и 60 фельдшеровъ.

На пріемѣ въ околоткѣ начали работать русскіе врачи и фельдшера. Число посѣтителей околотка увеличилось. Больные перестали бояться нѣмецкихъ врачей.

Плѣнные думали, что нѣмцы постѣсняются русскихъ врачей. Хотя эти надежды и не совсѣмъ оправдались, но однако на пріемахъ стало немного лучше.

Нѣмецкіе врачи, повидимому, все-таки стѣснялись своихъ русскихъ коллегъ.

Хотя ругань продолжала висѣть въ воздухѣ, однако удары кулаками стали рѣже.

Перевязки стали дѣлать аккуратнѣе.

Благодаря тифу, на второй день Рождества въ лагерѣ не оказалось нѣмцевъ.

26 декабря, утромъ, вышелъ я изъ барака и поразился: ни одного нѣмца. Еще вчера ихъ было, какъ насыпано, а сегодня—ни одного. Даже глазамъ своимъ не вѣришь: куда они могли дѣваться?

Неужели на нѣмцевъ напалъ моръ?

Скоро мои недоумѣнія разсѣялись. Оказалось, что нѣмцы испугались эпидеміи и убѣжали изъ лагеря. Только по ту сторону заборовъ были видны головы часовыхъ, стоявшихъ на особыхъ возвышеніяхъ.

Около комендатуры, за заборомъ, былъ устроенъ помостъ, на которомъ стояли унтеръ-офицеры и наблюдали за лагеремъ.

Ротные къ забору вызывали переводчиковъ и русскихъ унтеръ-офицеровъ и отдавали имъ приказанія.

Теперь драться уже не было возможности. Нѣмцы принуждены были довольствоваться руганью, руганью да обѣщаніемъ расправиться послѣ снятія карантина. Погрозитъ какой-нибудь нѣмецъ изъ-за забора палкой—только и всего.

Наши солдаты только посмѣивались, глядя на угрозы своихъ унтеръ-офицеровъ.

Весь лагерь былъ переданъ въ распоряженіе русскихъ врачей, во главѣ которыхъ былъ поставленъ И. И. Буцко, старшій врачъ Дорогобужскаго полка.

Оказалось, что 25 декабря, вечеромъ, комендантъ лагеря, генералъ Бонинъ, призвалъ къ себѣ русскихъ врачей и предложилъ имъ взять лагерь въ свое управленіе, впредь до снятія карантина, причемъ генералъ обратилъ вниманіе врачей на то обстоятельство, что необходимо лагерь держать въ повиновеніи.

„Мы никуда не уходимъ“—сказалъ Бонинъ, „Мы будемъ здѣсь. У насъ есть возможность въ любое время васъ заставить повиноваться“.

Генералъ Бонинъ указалъ на крышу комендатуры, на которой было поставлено два пулемета.

„Патроновъ у насъ хватитъ, кромѣ того, у насъ есть еще и орудія“—такъ закончилъ свою рѣчь бравый нѣмецкій генералъ.

Для исполненія полицейскихъ обязанностей генераломъ былъ назначенъ особый комендантъ лагеря, русскій подпрапорщикъ, нѣкій Домбровскій.

Для поддержанія внутренняго порядка была организована полиція, вооруженная плетьми.

Во время отсутствія нѣмцевъ, порядокъ жизни въ лагерѣ остался старый, но только ежедневныя повѣрки были отмѣнены, такъ какъ въ виду эпидеміи невозможно было больныхъ выгонять на холодъ.

Изъ барака выходили только во время раздачи пищи.

Всѣ сношенія съ нѣмцами происходили черезъ окно въ заборѣ.

Обыкновенно, утромъ къ 9 часамъ, у окна собирались русскіе врачи и ротные командиры (русскіе унтеръ-офицеры и подпрапорщики).

По ту сторону забора у окна стояли нѣмцы: помощникъ коменданта и унтеръ-офицеры.

Сначала происходила повѣрка. Каждый русскій ротный сообщалъ наличный составъ роты, количество больныхъ и умершихъ. Затѣмъ передавалась почта. Письма изъ лагеря въ особой мискѣ обливались сулемой.

Нѣмцы были очень осторожны. Если кто-либо изъ нашихъ солдатъ слишкомъ близко подойдетъ къ окну—бѣда. Раздаются ругательства и крики: „Долой, назадъ".

Затѣмъ выдавались полученныя для лагеря письма и посылки.

Хлѣбъ лагерь получалъ въ особое отверстіе забора.

Кухня была устроена въ лагерѣ, и всѣ продукты для нея поступали такимъ же путемъ.

Въ теченіе почти 4 мѣсяцевъ ни одинъ нѣмецъ не показывался въ нашемъ лагерѣ и ни одинъ изъ плѣнныхъ не вышелъ изъ лагеря.

Такимъ образомъ, благодаря тифу мы хотя на нѣкоторое время избавились отъ нѣмецкихъ палокъ, съ которыми за полтора мѣсяца плѣна, увы, уже достаточно ознакомились наши головы.

Четыре мѣсяца безъ привязыванія къ столбу, безъ „кирпичей", безъ ударовъ палками по головѣ.

Временная свобода, купленная, однако, слишкомъ дорогой цѣной.

Въ лагерѣ всего переболѣло тифомъ свыше 10000 человѣкъ.

Русскіе врачи буквально сбились съ ногъ, ухаживая за больными, въ то же время не будучи въ состояніи чѣмъ либо помочь.

Дѣло въ томъ, что нѣмцы въ распоряженіе русскихъ врачей предоставили подъ лазаретъ три холодныхъ барака на 250—300 больныхъ, изъ медикаментовъ же были выданы только каломель и аспиринъ.

Что было дѣлать русскимъ врачамъ?

Больныхъ набралось такъ много, что даже и двадцатой части ихъ нельзя было помѣстить въ лазаретѣ.

Одновременно болѣло около 6000 человѣкъ.

Приспособили подъ лазаретъ еще два барака. Собственно все приспособленіе заключалось только въ прибитой къ дверямъ доскѣ съ номеромъ барака.

Остальное все было по-старому.

Какъ и здоровые, больные валялись на полу. Здѣсь же стояли ведра для отправленія больныхъ.

Воздухъ былъ невозможный, такъ какъ провѣтривать баракъ было нельзя. Отопленія почти никакого не было.

Въ первые два барака больныхъ буквально свалили кучами. Помощи никакой. Только давали больнымъ пить, да иногда дадутъ таблетку аспирина. По бараку бѣгали измученные фельдшера и санитары. Помочь они ничѣмъ не могли, только слѣдили за буйными больными. Даже покойниковъ во время не успѣвали убирать.

Умретъ больной и его день, даже два и не замѣчаютъ.

Лежитъ больной смирно, зачѣмъ его тревожить. При массѣ смертныхъ случаевъ у санитаровъ выработался даже особый способъ регистраціи покойниковъ.

Лежатъ рядомъ и покойники и больные. Большинство послѣднихъ безъ памяти, такъ что иного больного трудно отличить отъ покойника.

Приходитъ санитаръ и осматриваетъ, кто умеръ.

Чтобы затѣмъ не перепутать, онъ снимаетъ съ покойника шапку (въ лазаретѣ всѣ лежали въ шапкахъ) и надѣваетъ ее на руку мертвецу.

Такимъ путемъ покойники отмѣчались.

Затѣмъ являются другіе санитары „погребальщики", по мѣстному выраженію.

На ихъ обязанности было уносить всѣхъ, у кого шапка надѣта на руку, и хоронить ихъ.

Въ разгарѣ эпидеміи огромное большинство больныхъ принуждено было валяться въ баракахъ, нерѣдко на полу, такъ какъ на нарахъ нехватало мѣста.

Тифозные больные въ бреду бѣгали по баракамъ и въ одномъ бѣльѣ выбѣгали на снѣгъ. Одного такого больного поймали на озерѣ.

Были случаи, когда на другой день такихъ больныхъ находили въ снѣгу мертвыми.

Въ баракахъ больные перемѣшались со здоровыми. Первыхъ хотя и пытались размѣстить отдѣльно на нарахъ, но изъ этого ничего не вышло.

У здоровыхъ исчезъ всякій страхъ передъ тифомъ. Всѣ были спокойны.

Уже привыкли спокойно обѣдать среди тифозныхъ больныхъ, когда рядомъ умираютъ товарищи.

Каждый какъ будто былъ увѣренъ, что и его часъ пробьетъ, что отъ тифа онъ все равно не спрячется.

Заболѣвшій уже не просился въ лазаретъ, такъ какъ зналъ, что это дѣло очень трудное.

Хотя каждый день и таскали въ „соснякъ“ (кладбище въ лѣсу), по десятку покойниковъ, но на освободившіяся мѣста каждый день давалъ до сотни кандидатовъ.

Мертвецкая полна была покойниковъ, которыхъ не успѣвали хоронить.

Не хватало рабочихъ рукъ для рытья могилъ.

Трупы въ мертвецкой дѣлались достояніемъ крысъ.

Такъ одному изъ покойниковъ крыса съѣла лицо.

Въ первое время хоронили нашихъ покойниковъ такъ: вырывалась яма, въ нее бросали покойника, его матрацъ, платье, а затѣмъ все это заливалось известкой. Могила готова.

Значительно позже стали дѣлать гробы. Была устроена столярная мастерская. Нѣмцы начали давать доски.

Кладбище было устроено рядомъ со свалками, такъ что ничто ихъ не отдѣляло.

Сильно огорчало это нашихъ солдатъ, но дѣлать было нечего.

Похоронъ никакихъ не полагалось.

Было въ лагерѣ два священника, которые жили въ комендатурѣ — и которыхъ нѣмцы почему-то никуда не пускали.

Хоронили сразу десятками. Пропоютъ „Святый Боже“, и все отпѣваніе.

Съ трудомъ добились отъ нѣмцевъ разрѣшенія ставить на могилахъ кресты. Потомъ, послѣ настойчивыхъ съ нашей стороны просьбъ, нѣмцы начали давать намъ дерево для крестовъ.

А то разрѣшеніе ставить кресты было, а дѣлать кресты не было матеріала.

Врачи обходили бараки, стараясь ободрить здоровыхъ и утѣшить больныхъ.

Да, только утѣшить, такъ какъ лечить было нечѣмъ: аспирина и того не хватало.

На всѣ просьбы русскихъ врачей относительно лекарствъ, нѣмцы отвѣчали упорнымъ молчаніемъ.

А въ баракахъ все менѣе и менѣе оставалось здоровыхъ.

Только и слышны были стоны да причитанія больныхъ, и дикіе выкрики бредившихъ больныхъ.

Было нѣсколько случаевъ самоубійства больныхъ. Да не только больныхъ: атмосферу такого кошмара не всякій перенесетъ, когда рядомъ съ тобой больные и мертвые.

Мнѣ самому приходилось спать въ баракѣ при слѣдующей обстановкѣ: съ одной стороны около меня лежали три моихъ товарища, больные тифомъ, съ другой—лежалъ покой-

никъ,—больной вчера еще умеръ и некому было его даже вынести; и въ довершеніе полноты картины въ эту же ночь въ проходѣ между нарами повѣсился одинъ больной.

Какъ всѣ очерствѣли, огрубѣли въ этой кошмарной жизни. И своя, и чужая жизнь утратили цѣну.

Многіе въ баракѣ даже видѣли, что человѣкъ повѣсился, и ни одинъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы спасти несчастнаго.

„Повѣсился, значитъ такъ и надо". Такъ хладнокровно относились къ этому, какъ будто самоубійство для насъ было обычнымъ явленіемъ.

Нашлись изъ насъ люди, которые не постѣснялись снять съ повѣсившагося сапоги. Въ нашей жизни это было понятно: всѣ раздѣты и босы. Сапоги все равно бы бросили въ яму вмѣстѣ съ покойникомъ.

Приходитъ утромъ въ баракъ врачъ. Его окружаютъ больные, которые еще въ состояніи держаться на ногахъ. Всѣ просятъ лекарства.

Врачъ обычно отвѣчаетъ: „У меня нѣтъ для васъ лекарствъ. Его не хватаетъ для нашихъ тяжело больныхъ товарищей".

Подходитъ врачъ къ больнымъ, которые уже встать не могутъ. Даетъ таблетку аспирину. Вотъ и все леченіе.

Ѣли больные ту же самую пищу, что и здоровые.

Конечно, большинство больныхъ не было въ состояніи вообще что-нибудь ѣсть.

Особенно было тяжело положеніе выздоравливающихъ больныхъ. Истощены голодомъ и болѣзнью. Организмъ настойчиво требовалъ пищи, а нѣмцы даютъ только полфунта хлѣба и недоваренную неочищенную брюкву.

Были случаи смерти плѣнныхъ отъ истощенія.

Несчастные спаслись отъ тифа только для того, чтобы черезъ 1—1½ мѣсяца умереть почти голодной смертью.

Голодъ доводилъ людей буквально до потери разсудка.

Въ нашемъ лагерѣ произошелъ слѣдующій случай, стоившій жизни тремъ плѣннымъ.

Послѣ снятія карантина (въ первыхъ числахъ апрѣля) нѣмцы почему-то не стали варить намъ картофельные очистки, а начали ихъ выкидывать въ яму, находящуюся въ лагерѣ около кухни. Очистки эти обливали сулемой, причемъ плѣнныхъ предупредили, не выбирать очистки изъ ямы и не ѣсть ихъ.

Трое изголодавшихся плѣнныхъ, недавно перенесшихъ тифъ, набрали котелокъ этихъ очистковъ и съѣли.

Несчастные всѣ трое умерли отъ отравленія.

Затѣмъ нѣмцы эти же очистки выбрасывали въ отхожее мѣсто. Тутъ повторилась та же исторія.

Плѣнные оттуда ихъ доставали, мыли, варили и ѣли.

Не знаю, почему нѣмцамъ захотѣлось выкидывать эти очистки, и почему мѣсто для этого они отвели въ лагерѣ. Можетъ быть, это только былъ новый способъ издѣвательства надъ нами.

Черезъ нѣсколько времени картофельныя очистки снова появились въ нашемъ обѣдѣ.

Изголодавшіеся плѣнные буквально озвѣрѣли.

Бывало, послѣ снятія карантина нѣмецкій унтеръ-офицеръ для забавы своей и своихъ товарищей броситъ плѣннымъ кусокъ хлѣба.

Толпа кидается за хлѣбомъ, начинается свалка.

Дерутся, увѣчатъ другъ друга, пока кому нибудь не удастся схватить истоптанный десятками ногъ кусокъ.

А нѣмцы стоятъ и хохочутъ, имъ весело смотрѣть.

А потомъ надъ нами же издѣваются: „Вы свиньи, ѣдите изъ отхожихъ мѣстъ, деретесь изъ-за куска хлѣба“,—такъ обычно говорятъ намъ нѣмцы.

До какого состоянія доводилъ нашихъ плѣнныхъ голодъ видно изъ того, что однажды даже изъ отхожаго мѣста вынули брошенный туда хлѣбъ.

Одинъ французъ получилъ въ посылкѣ испорченный хлѣбъ, и онъ выкинулъ его въ отхожее мѣсто.

Наши солдаты это замѣтили. Немедленно вытащили хлѣбъ, вытерли его и съѣли.

Во время эпидеміи тифа люди стали слабы и отъ голода, и отъ болѣзни. Цѣлые дни сидѣли они въ баракахъ, равнодушно глядя передъ собой, иногда вслушиваясь въ бредъ больныхъ.

Вотъ бѣжитъ по нарамъ больной. Въ рукахъ его ножъ.

Размахивая ножемъ, онъ дико кричитъ, неизвѣстно кому. „А, попались, голубчики!“

И бѣжитъ по лежащимъ людямъ и по больнымъ и по здоровымъ, и это вноситъ мало оживленія. Только изрѣдка крѣпко выругается тотъ, на кого слишкомъ чувствительно наступилъ больной.

За сумасшедшимъ несутся фельдфебель и фельдшеръ, старающіеся его поймать.

И тоже кричатъ. Долго продолжается эта охота, пока больного не поймаютъ и не свяжутъ.

Вотъ кто-то сильно стучитъ по крышѣ барака. Надо посмотрѣть. Вышелъ. Оказывается тифозный больной залѣзъ на крышу барака и бѣгаетъ по ней.

Опять начинается охота. И этого тоже приходится вязять, а онъ дико вопитъ и грозитъ всѣхъ перерѣзать.

Въ баракѣ духота и вонь.

Больные всѣ отправленія совершаютъ подъ себя. Лежать на насквозь промоченныхъ матрацахъ.

Въ головѣ все-таки горитъ мысль: надо спастись, надо предохранить себя.

Рѣшилъ ежедневно обходить весь лагерь разъ двадцать. Все-таки два—три часа на воздухѣ, но организмъ истощенъ, желаніе бороться падаетъ.

Пройдешь 2—3 круга и тянешься назадъ, въ баракъ, опять въ эту кошмарную среду, гдѣ даже сномъ забыться нельзя; поминутно будятъ дикіе вопли больныхъ.

Въ нашей ротѣ изъ 300 человѣкъ только 30 было здоровыхъ.

Даже поговорить не съ кѣмъ. Вышелъ погулять. Навстрѣчу идетъ знакомый фельдшеръ, протягиваю руку, здороваясь.

Тотъ отскакиваетъ отъ меня и говоритъ:

„Не прикасайтесь ко мнѣ, я заболѣлъ“.

Слово сказать некому: всѣ больные.

Пошелъ въ лазаретъ къ товарищу, Завѣдывающему тифознымъ баракомъ.

Здѣсь картины еще ужаснѣе.

Весь баракъ напоминаетъ скорѣй сумасшедшій домъ въ маленькомъ городкѣ.

У столбовъ, у коекъ, всюду привязаны буйные больные. Всѣ кричатъ и рвутся.

Вотъ больной, привязанный полотенцемъ за ногу къ столбу, изъ всѣхъ силъ рвется, пытаясь ударить проходившаго санитара.

Одному больному удалось отвязяться и онъ стремительно мчится къ дверямъ.

Санитары сбились съ ногъ—уже сколько ночей они не спали.

Какой можетъ быть сонъ, когда баракъ полонъ буйными больными.

Того и гляди, отвяжется такой больной, убѣжитъ на морозъ или придушитъ кого-либо изъ больныхъ.

Подходитъ завѣдующій баракомъ и говоритъ: „Что мнѣ дѣлать, я самъ боленъ. У меня 39° температура. Даже уснуть нельзя. Вотъ опять одинъ отвязался“. И снова пустился бѣдняга ловить больного.

Скорѣй вонъ, на воздухъ.

Но и тамъ не легче. Безъ шинели, въ деревянныхъ туфляхъ много не нагуляешься.

Закроешься одѣяломъ и ждешь, пока забудешься тяжелымъ сномъ.

Утромъ новость. Эпидемія захватила и врачей. Большинство изъ нихъ самоотверженно работало, и имъ пришлось на себѣ испытать ужасы тифа.

Изъ 40 врачей заболѣло 29, среди которыхъ были имена любимыхъ солдатами врачей, самоотверженно работавшихъ для плѣнныхъ.

Умерли врачи Снаровскій и Буйновскій.

Здоровыхъ врачей стало мало. Они стали рѣже посѣщать бараки.

Извѣстіе о заболѣваніяхъ среди врачей сильно поразило плѣнныхъ. „Ужъ если доктора умираютъ, то что же намъ остается",—говорили плѣнные.

Спустя нѣкоторое время плѣнные радостно встрѣчаютъ выздоровѣвшаго врача А. В. Селезнева; радуются при видѣ врачей Становича и Магалифа. Вѣдь они ихъ защитники. Хотя при наличныхъ условіяхъ многаго врачи сдѣлать не могли, но больные цѣнили самый уходъ за ними.

Изъ врачей только очень немногіе не болѣли. Попрежнему здоровъ докторъ И. И. Буцко, исполнявшій въ лагерѣ административныя обязанности и завѣдывавшій хозяйствомъ.

Настало время и мнѣ болѣть. Правда, давно я уже чувствовалъ себя неважно, но какъ-то все боролся, не поддавался. Заболѣлъ я вотъ какъ.

3-го февраля хоронили врача Сноровскаго, жертву эпидеміи.

Долго плѣнникамъ Бранденбурга будетъ памятно это имя. Онъ никогда не боялся больныхъ, постоянно посѣщалъ бараки, разговаривалъ съ солдатиками, ободрялъ ихъ.

Бывало, придетъ въ баракъ и обязательно всѣхъ здоровыхъ отправитъ на прогулку. Слѣдилъ, чтобы въ баракахъ поддерживалась сколько возможно, чистота. И вотъ этотъ докторъ умеръ.

Проводить покойнаго собралась огромная толпа.

Былъ ясный солнечный день. На душѣ какъ-то сдѣлалось легко. Хотѣлось двигаться, гулять, къ чему у меня уже давно не было никакой охоты. Пошелъ и я.

По дорогѣ встрѣтилъ своего фельдфебеля и спросилъ, когда похороны.

Онъ сказалъ, что черезъ полчаса. „Я пойду къ санитару измѣрить температуру",—совершенно неожиданно для самого себя сказалъ я. Почему я это сдѣлалъ, не знаю. У меня даже и въ мысли не было, что я боленъ.

Въ баракѣ я измѣрилъ температуру — 40,3. „Сходи къ доктору, и скажи, что я умираю",—сказалъ я санитару. Онъ

побѣжалъ, а я собралъ всѣ свои записки, написалъ прощальное письмо семьѣ и передалъ все это своему товарищу.

Вернулся санитаръ и повелъ меня въ лазаретъ. Пришли въ какую-то комнату. Кругомъ лежатъ больные.

Все какъ-будто для меня незнакомо.

„Это что?“ — спросилъ я фельдшера, указывая на больныхъ.

„Тифозные больные“—былъ отвѣтъ.

„Такъ и у меня тифъ“—еще болѣе удивился я.

„Раздѣвайтесь, раздѣвайтесь“,—сказалъ фельдшеръ. Больше я ничего не помню. Помню, что въ кошмарѣ леталъ надъ Реймскимъ соборомъ.

Тифъ окончился для меня благополучно, но лагерь заплатилъ за эпидемію 770 покойниками.

По мнѣнію русскихъ врачей процентъ смертности былъ сравнительно малъ, что объясняется тѣмъ, что въ моментъ заболѣванія, плѣнные были голодны. Нѣмцы позаботились, чтобы желудки плѣнныхъ были пусты.

Много умерло отъ гангрены, такъ какъ несмотря на усиленныя просьбы русскихъ врачей, нѣмцы долго не давали инструментовъ для производства операцій.

Сколько бы осталось въ живыхъ, если бы во время можно было отнять ступню или меньшую часть ноги!

Гангрену можно было и предупредить, если бы нѣмцы, хотя отчасти, пошли навстрѣчу русскимъ врачамъ.

Нѣмцы были настолько жестоки къ плѣннымъ, что для больныхъ пожалѣли даже кирпичей.

Дѣло въ слѣдующемъ: для согрѣванія конечностей тифозныхъ больныхъ обычно въ ноги больнымъ кладутъ бутылки съ горячей водою.

За отсутствіемъ въ лагерѣ бутылокъ русскіе врачи приказали фельдшерамъ набрать кирпичей и нагрѣвать ихъ.

Затѣмъ нагрѣтые кирпичи, обернутые тряпкой, клали въ ноги больнымъ.

Мы жили на кирпичномъ заводѣ. Вѣдь чего другого, а кирпичей было много!

Когда до эпидеміи требовалось кого-либо поставить подъ кирпичи, то послѣднихъ всегда находилось въ достаточномъ количествѣ. Русскіе врачи обратились къ нѣмцамъ съ просьбой дать кирпичей для больныхъ. Но нѣмцы сочли кирпичи излишней роскошью для „проклятыхъ свиней“ и отказали врачамъ.

Только вслѣдствіе такого безчеловѣчнаго отношенія нѣмецкихъ властей къ русскимъ плѣннымъ, многіе изъ нихъ заболѣли гангреной.

Къ Пасхѣ эпидемія начала ослабѣвать. Появилась воз-

можность всѣхъ больныхъ держать въ лазаретѣ, который расширился, благодаря постройкѣ новыхъ бараковъ.

Въ это время плѣнные изыскали способъ улучшить свое питаніе.

Начали заниматься рыбной ловлей. Дѣло въ томъ, что посреди лагеря образовалась огромная яма, изъ которой раньше доставали глину.

Яму соединили съ рѣкой Гавель канавой.

Хлынула вода, и яма превратилась въ большое озеро, въ которомъ появилась масса рыбы.

Плѣнные начали заниматься рыболовствомъ.

Буквально тысячная толпа цѣлые дни стояла на берегу озера и занималась рыбной ловлей.

Изъ проволоки понадѣлали крючковъ. Изъ матрацовъ надергали нитокъ. Стали вязать невода. Сучили веревки.

Рыбы попадалось много. Благодаря ей лѣтомъ мы имѣли пищу.

4. Пытки и издѣвательства.

Послѣ снятія карантина, когда въ лагерь возвратились нѣмцы, для плѣнныхъ были введены, кромѣ прежнихъ, новыя наказанія: проволочная клѣтка и тюрьма.

Проволочная клѣтка — изобрѣтеніе коменданта лагеря генерала Бонина, которымъ онъ очень гордился, представляетъ собою обыкновенную клѣтку, вышиной въ ростъ человѣка. Наказаннаго заставляли стоять въ клѣткѣ смирно 4 часа безъ шапки, не прислоняясь къ стѣнкамъ клѣтки. Наказаніе это примѣнялось только въ солнечный день.

Около клѣтки стоялъ часовой и штыкомъ принуждалъ исполнять наказаннаго всѣ правила.

Мало, очень мало плѣнныхъ выдерживали эту пытку.

Обычно, постоитъ такой наказанный одинъ—два часа, а затѣмъ падаетъ въ обморокъ.

Было много случаевъ солнечнаго удара.

Нѣмецкіе унтеръ-офицеры очень хвастали изобрѣтеніемъ коменданта лагеря генерала Бонина.

Кромѣ клѣтки появилась и тюрьма.

Небольшой баракъ, въ которомъ было 7 камеръ.

Небольшая каморка, въ которой съ трудомъ помѣщается койка и ведро. Маленькая форточка.

Горячая пища заключеннымъ въ тюрьмѣ выдается черезъ два дня въ третій.

Большинство арестованныхъ лишено матрацовъ и одѣялъ.

Спятъ на голой койкѣ, ничѣмъ не прикрытые.

Обычно сидятъ пятнадцать—двадцать сутокъ.

Всѣ эти наказанія налагаются единственно по усмотрѣнію унтеръ-офицера.

Никто во всемъ лагерѣ не знаетъ, за какое преступленіе какая его ждетъ кара.

Если вы встрѣтились съ нѣмецкимъ унтеръ-офицеромъ и имѣли несчастье въ этотъ моментъ улыбнуться, вамъ уже полагается наказаніе.

Никакія оправданія не помогутъ.

„Какъ вы смѣете издѣваться надъ нѣмецкимъ унтеръ-офицеромъ", скажетъ вамъ нѣмецъ.

Ваше счастье, если онъ только изобьетъ васъ палкой.

А если въ клѣтку или въ тюрьму посадитъ?

Даже кашлять запрещалось въ присутствіи унтеръ-офицера.

„При мнѣ чтобъ не было кашля"—заявляетъ въ нашей ротѣ нѣмецъ.

А какъ не кашлять, когда всѣ простужены!

И вотъ за кашель люди платились ударами палокъ, ихъ ставили подъ кирпичи и сажали въ клѣтки.

Появленіе нѣмцевъ послѣ карантина совершенно измѣнило нашу жизнь.

Ротные по пяти—шести разъ въ день устраивали повѣрку. Приходятъ утромъ, днемъ и вечеромъ, вообще, когда имъ вздумается, и сейчасъ же приказываютъ выходить на повѣрку.

Если нѣмцу покажется, что рота недостаточно быстро исполнила его приказаніе, то ротѣ грозитъ новое наказаніе.

Приказываетъ нѣмецъ всей ротѣ ползать на животѣ. Ложится рота и ползаетъ по лагерю. А нѣмецъ смотритъ и злорадствуетъ. Кто отсталъ, того погоняетъ палкой.

И такъ издѣвательства безъ конца.

Интересны отношенія ротнаго унтеръ-офицера къ плѣннымъ.

Когда ему нужно позвать кого-нибудь изъ плѣнныхъ, то унтеръ-офицеръ не называетъ вызваннаго по фамиліи, а только говоритъ:

„Проклятый, иди сюда".

Каждый долженъ знать, что слово „проклятый" относится именно къ нему, и горе вамъ, если вы не побѣжите на зовъ. Снова палки, палки и палки.

Обращеніе ротнаго унтеръ-офицера къ ротѣ еще хуже. Къ сожалѣнію невозможно даже напечатать, какъ нѣмецъ называетъ роту.

Плѣнные на избіеніе палками смотрѣли какъ на обычное явленіе, избѣжать котораго почти невозможно.

Весною намъ объявили о посѣщеніи нашего лагеря испанскимъ консуломъ. Долго мы ждали. Лагерь готовился черезъ переводчика разсказать консулу про нашу голодную жизнь, про издѣвательства и пытки нѣмцевъ.

Наши надежды не оправдались.

Въ одно прекрасное утро по лагерю прошелъ какой-то господинъ одѣтый въ штатское. Сопровождалъ его нѣмецкій генералъ.

Пробылъ въ лагерѣ господинъ не болѣе 2—3 минутъ. Что онъ могъ сдѣлать за это время?

Оказывается, это былъ испанскій консулъ, такъ долго нами жданный.

Весной отношенія къ намъ нѣмцевъ стали еще хуже.

На каждомъ шагу нѣмецкіе офицеры и унтеръ-офицеры особенно старались дать намъ почувствовать наше положеніе.

Помимо избіенія и другихъ наказаній, появился еще новый видъ издѣвательства.

Прежде всего заставили снять кокарды и погоны. Кто отказывался исполнять это требованіе, у того немедленно кокарда и погоны срывались и протестантовъ за неповиновеніе сажали въ тюрьму.

Затѣмъ отобрали вольноопредѣляющихся и подпрапорщиковъ, и стали ихъ посылать на наиболѣе грязныя работы.

Такъ, вольноопредѣляющихся заставляли чистить отхожія мѣста и возить на себѣ бочки.

Сначала накачиваешь машиной бочку (по лагерному „мортирку"), а затѣмъ приходилось въ нее запрягаться и возить на свалку.

Въ такую бочку въ началѣ плѣна нѣмцы запрягали по 4 лошади, но затѣмъ они сочли нужнымъ возить бочки на плѣнныхъ.

Отбирали интеллигентныхъ плѣнныхъ и отправляли ихъ въ банную команду выскребать гнидъ изъ продезинфицированнаго бѣлья.

Волей неволей приходилось работать, такъ какъ никто не хотѣлъ за ослушаніе попасть въ клѣтку или въ тюрьму.

Нѣмцы не могли не знать, что для вольноопредѣляющихся въ лагерѣ можно было найти другія, болѣе подходящія работы: составленіе списковъ плѣнныхъ, разборка писемъ и посылокъ и пр.

Нѣтъ, на эти работы нѣмцами изъ числа нашихъ плѣнныхъ назначался наиболѣе непригодный и ненадежный элементъ.

Нѣмцы все время говорили, что они для русскихъ плѣнныхъ стараются придерживаться русскихъ военныхъ законовъ. Вотъ, воспользовавшись этимъ, вольноопредѣляющіеся и под-

прапорщики обратились къ генералу съ указаніемъ, что они по русскимъ законамъ освобождены отъ нестроевой службы.

Въ отвѣтъ на это заявленіе генералъ Бонинъ приказалъ всѣхъ ихъ отправить на работы.

Въ первый день наша работа заключалась въ разстиланіи грязныхъ мѣшковъ на мокрой травѣ. Мы развертывали грязные мѣшки, клали ихъ на мокрую отъ росы траву и ждали, когда эти мѣшки высохнутъ.

Конечно, эта работа была придумана только съ цѣлью издѣвательства.

Наблюдающій за этой нашей работой нѣмецкій унтеръ-офицеръ весело хохоталъ, и самъ удивлялся, для чего это мы дѣлаемъ.

На другой день насъ погнали на работы на металлическій заводъ близъ г. Бранденбурга. Эти работы были посерьезнѣе. Съ металлическаго завода мы возвратились съ израненными руками, новый результатъ издѣвательства и жестокости нѣмцевъ.

Дѣло въ томъ, что на заводѣ приходилось руками касаться горячихъ желѣзныхъ плитъ.

Нѣмецкіе рабочіе работаютъ въ кожаныхъ перчаткахъ, а намъ даже тряпокъ не дали, и заставляли голыми руками поддерживать горячія желѣзныя плиты, когда ихъ везли на вагонеткахъ.

У всѣхъ у насъ были обожжены руки, и въ тотъ же вечеръ многіе изъ насъ ушли въ лазаретъ.

Въ концѣ апрѣля у насъ устроили баню, такъ что появилась возможность избавиться отъ вшей.

Была устроена большая дезинфекціонная камера, въ которой пропаривалось бѣлье и одежда.

На баню смотрѣли съ большой надеждой, но оказалось, что наши чаянія не оправдались.

Баня превратилась въ сплошное для насъ мученье,— опять-таки мученье, вызванное желаніемъ лишній разъ поиздѣваться надъ плѣнными.

Надо сказать, что самая баня была устроена хорошая, удобная. Прекрасные души, постоянно лилась горячая вода.

Въ банѣ одновременно могло мыться до сотни человѣкъ.

Что же сдѣлали нѣмцы?

Они выстраивали передъ баней партію въ 4.000 человѣкъ и заставляли всѣхъ сразу раздѣваться.

Пока первые моются, послѣднимъ приходилось мерзнуть или мокнуть на дождѣ.

Затѣмъ вымывшимся приходилось въ одномъ бѣльѣ подъ открытымъ небомъ ждать, пока продезинфицируютъ платье.

Дезинфекція же платья происходила только послѣ того, когда всѣ перемылись. Продолжалась она полтора часа.

Такимъ образомъ, на мытье въ банѣ и на ожиданіе бѣлья и платья уходило шесть—восемь часовъ. Баня превратилась въ пытку.

Сколько людей простудилось!

Русскіе врачи неоднократно говорили нѣмцамъ о необходимости измѣнить порядокъ мытья въ банѣ и дезинфицированія бѣлья, но на ихъ слова не обращали вниманія.

А вѣдь это мытье такъ легко можно было упорядочить и сдѣлать его благодѣяніемъ для плѣнныхъ.

Хотя около самой бани находился огромный пустой баракъ, въ которомъ могли бы дожидаться раздѣтые плѣнные, нѣмцы предпочитали держать насъ на холодѣ и пополнять такимъ образомъ лазаретъ новыми больными.

За эти 6—8 часовъ насъ столько разъ били палками, такъ часто попадалъ пинокъ въ животъ, что отправленіе въ баню для насъ превратилось въ сплошное избіеніе.

Баней завѣдывалъ фельдфебель, нѣкій Фридрихъ (какой-то фабрикантъ кажется изъ Берлина). Огромнаго роста дѣтина, толстый, краснокожій, прозванный плѣнными „самоваромъ".

„Самоваръ" дрался образцово. Съ особеннымъ вкусомъ онъ билъ по лицу плѣнныхъ. Отъ его пинка плѣнные валились безъ памяти. Фридрихъ буквально всему лагерю внушалъ ужасъ. Нѣкоторые предпочитали далеко обходить, чтобы только съ нимъ не встрѣтиться, такъ какъ Фридрихъ требовалъ при отданіи ему чести особой выправки. Покажется ему, что вы недостаточно ловко отдали честь, и вамъ бѣда. Билъ онъ, правда, не палкой, а кулакомъ, но плѣнные говорили, что его кулакъ хуже палки.

Фридрихъ былъ грозой для всего лагеря. Комендантъ всегда назначалъ его туда, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдовало поднять дисциплину, и Фридрихъ ее дѣйствительно поднималъ. Онъ билъ не стѣсняясь,—билъ вольноопредѣляющихся, унтеръ-офицеровъ, билъ и простыхъ рядовыхъ.

Особенно любилъ онъ бить голыхъ плѣнныхъ, выстроенныхъ для мытья.

Въ этомъ случаѣ его сопровождали другіе нѣмецкіе унтеръ-офицеры, которые также отъ него не отставали.

Несмотря на все свое презрѣніе къ намъ, нѣмецкіе унтеръ-офицеры были большіе любители поговорить съ плѣнными. Конечно, они все разсказывали о своихъ побѣдахъ. Приходитъ унтеръ-офицеръ въ роту и начинаетъ хвастать: то Перемышль обратно взяли, то Варшаву, обѣщали скоро взять Петроградъ. Всѣ предсказывали скорый миръ.

Интересно, что о взятіи Варшавы насъ извѣщали семь разъ.

Первый разъ нѣмцы взяли Варшаву еще въ декабрѣ прошлаго года. Были вывѣшены флаги; началось торжество. Играла музыка; нѣмцы перепились. На другой день оказалось, что это извѣстіе нѣсколько преждевременно. Сняли флаги, и черезъ двѣ недѣли снова вывѣсили: опять взяли Варшаву. Такъ было семь разъ. И каждый разъ устраивали пиры съ музыкой.

Мы такъ извѣрились въ правдивости нѣмецкихъ сообщеній, что когда Варшала была дѣйствительно взята, мы этому уже не повѣрили. Только случайно получили русскую газету, тогда мы узнали, что это правда.

Наши бесѣды съ нѣмецкими унтеръ-офицерами заключались, собственно, въ томъ, что говорили только одни нѣмцы, а мы молчали. Сначала пробовали мы возражать, но за это многіе изъ насъ пострадали: „сомнѣваться въ могуществѣ Германіи плѣнный не имѣетъ права".

Въ крайнихъ случаяхъ, очевидно, для большей убѣдительности своей рѣчи, нѣмецъ пускалъ въ ходъ палку.

Значительно интереснѣе были наши разговоры съ часовыми, хотя послѣдніе рисковали за это подвергнуться суровому наказанію. Въ лагерѣ рядовымъ и часовымъ запрещались всякіе разговоры съ плѣнными. За это полагалось двѣ недѣли строгаго ареста, а затѣмъ отправка на позиціи.

И несмотря на это, многіе изъ часовыхъ съ нами часто разговаривали. Оглянется, нѣтъ ли вблизи офицера, или унтеръ-офицера, и начнетъ говорить.

А поговорить есть о чемъ. У каждаго нѣмецкаго солдата много накипѣло на душѣ.

Вотъ стоитъ солдатъ съ однимъ глазомъ, другой стеклянный. На другомъ мѣстѣ стоитъ часовой съ подвязанной лѣвой рукой. И лѣтъ имъ много. Одному—50, другому—даже 55.

У этихъ и помина нѣтъ той заносчивости, которой переисполнены фельдфебели и унтеръ-офицеры.

Говорили съ ними и о нашей ѣдѣ и объ истязаніяхъ.

И часовые сами жалуются намъ на свое положеніе.

„Вѣдь мы тоже голодаемъ", говорятъ они. „У насъ взрослый получаетъ только четыре фунта въ недѣлю. Попробуй купить больше. Ни за какія деньги не достанешь. Мы, солдаты, получаемъ только по фунту хлѣба въ день. Живемъ только картошкой, которую тоже получаемъ по карточкѣ. Правда, пока мы еще жить можемъ, но все-таки долго переносить такое положеніе трудно.

Вѣдь дома у насъ почти голодъ — вѣдь 4 фунта въ

недѣлю, это почти порція плѣнныхъ. Мяса изъ насъ никто не видитъ. Изъ солдатъ мясо получаютъ только тѣ, кто находится на позиціяхъ. Мы, несущіе караульную службу, получаемъ мясо только два раза въ недѣлю.

Наши дѣти не видятъ молока. За послѣднее время молочныя карты установлены только для дѣтей не старше 3-хъ лѣтъ. Только для этихъ ребятъ пока еще выдается молоко. Картофель у насъ отобранъ въ казну. Часто приходится со своего же собственнаго огорода воровать картофель. Воровать собственный картофель. Вѣдь за это какое наказаніе—тюрьма и конфискація имущества.

Недавно насъ посылали въ Берлинъ усмирять голодный бунтъ. Собрались женщины, большинство работницы на фабрикахъ, и устроили демонстрацію. Толпами онѣ ходили по улицамъ съ криками „хлѣба, хлѣба". Разгромили нѣсколько лавокъ.

Насъ заставляли усмирять ихъ, разгонять толпу. Тѣ стали, бросаясь въ насъ камнями. Нами командовалъ вашъ Фридрихъ („Самоваръ"). Онъ думалъ, что это битье плѣнныхъ. Кинулся въ толпу, а тамъ ему и пробили голову камнемъ. Теперь лежитъ въ госпиталѣ. Бунтъ мы усмирили, но вѣдь онъ опять повторится. Ужъ пять разъ это было въ Берлинѣ въ этомъ году. Насъ, солдатъ, бьютъ не хуже васъ, плѣнныхъ, только, конечно, нѣтъ того издѣвательства. Наши унтеръ-офицеры, какъ собаки накидываются какъ на плѣнныхъ, такъ и на своихъ рядовыхъ".

Бывало поговоришь съ такимъ часовымъ и видишь, что ихъ положеніе тоже скверное—стоитъ на посту калѣка, самъ недоѣдаетъ, а дома у него голодная семья.

Относительно голодныхъ бунтовъ, я читалъ также и въ нѣмецкихъ газетахъ, но тамъ были только краткія сообщенія и призывы къ обществу потерпѣть и воздержаться отъ демонстрацій.

Изъ часовыхъ только молодые солдаты (17—18 лѣтъ) вели себя по отношенію къ плѣннымъ заносчиво. Гнали отъ заборовъ и сквозь зубы цыдили: „долой, проклятые".

Къ этимъ мы старались не подходить — еще штыкомъ ткнетъ.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ нашъ лагерь о. Даніилъ, іеромонахъ московскаго Даниловскаго монастыря.

Уже три мѣсяца лагерь былъ безъ священника. Два священника, которые жили въ лагерѣ съ начала плѣна, были отправлены нѣмцами въ другіе лагери.

Когда въ нашъ лагерь былъ переведенъ о. Даніилъ, онъ началъ ходить по баракамъ, служить молебны, сталъ напутствовать умирающихъ больныхъ.

Нѣмцы неодобрительно смотрѣли на то, что русскій священникъ посѣщаетъ плѣнныхъ.

Долго лагерь хлопоталъ передъ нѣмцами о разрѣшеніи собраться, помолиться вмѣстѣ.

Наконецъ, добились. Нѣмцы разрѣшили отслужить молебенъ въ баракѣ, гдѣ могло собраться много народа.

„Лучше бы не разрѣшали“ — говорили наши плѣнные послѣ молебна, такъ какъ молебенъ сдѣлался для нѣмцевъ предметомъ издѣвательства.

Кощунства надъ русскими святынями и надъ русскими обрядами совершались со стороны нѣмцевъ и раньше, но до такихъ размѣровъ они никогда еще не доходили.

Во время молебна въ баракъ явилось много нѣмцевъ, всѣ съ трубками въ зубахъ, большинство пьяные.

Растолкали они плѣнныхъ и стали въ кружокъ около самаго священника.

Во время молебна они стояли въ шапкахъ, громко разговаривали, смѣялись надъ священникомъ и дымили своими трубками.

Мы были такъ возмущены этимъ, что многіе изъ насъ ушли съ молебна, предпочитая лучше не молиться, чѣмъ видѣть эти издѣвательства.

Многіе изъ солдатъ плакали, глядя на смѣющихся нѣмецкихъ — унтеръ-офицеровъ. — Впослѣдствіи нѣмцы разрѣшили устроить изъ барака церковь.

Церковь эта также являлась предметомъ издѣвательства со стороны нѣмцевъ.

Каждый праздникъ нѣмцы посѣщали наше богослуженіе.

Въ церковь они шли, какъ въ театръ.

Приводили своихъ знакомыхъ, и, глядя на наши обряды, весело хохотали.

Для нихъ мы всѣ были свиньи, съ которыми они не считались, и надъ вѣрованіями которыхъ они насмѣхались.

Каждый разъ, какъ идешь въ церковь, такъ и знаешь, что тебѣ придется выдержать большія испытанія.

Но что было дѣлать?

Попробуй что-нибудь сказать, сейчасъ получишь или пинокъ въ животъ, а то, можетъ быть, и хуже—у каждаго нѣмца у пояса виситъ револьверъ.

Уже весной въ лагерѣ среди русскихъ плѣнныхъ началъ распространяться туберкулезъ.

Послѣ тифа организмъ истощенъ. Укрѣпить его нечѣмъ, и вотъ, переболѣвшіе тифомъ плѣнные дѣлаются жертвой туберкулеза.

Такой плѣнный все-таки ходитъ на тяжелыя работы и только покашливаетъ.

Спросишь: „что съ тобой?“

Получается отвѣтъ: „грудь что-то болитъ. Хотѣлъ сходить въ околотокъ (амбулаторія), да нѣмецъ не пустилъ. Вотъ сегодня кровь изъ горла пошла“.

И это правда. У больного въ мокротѣ кровь, а его гонятъ на работу.

Число кашляющихъ быстро увеличивается.

Только очень ослабѣвшихъ чахоточныхъ кладутъ въ лазаретъ.

Да и тамъ не легче.

Питаніе не лучше. Иногда вмѣсто брюквы дадутъ супъ изъ крахмала и только. Все это безъ мяса.

Преобладающій элементъ среди возвращающихся въ Россію инвалидовъ—чахоточные.

„Необходимо улучшеніе питанія, иначе всѣ мы осуждены на туберкулезъ“—говорили русскіе врачи.

Но что намъ дѣлать? Помощи не откуда никакой.

Чѣмъ больше насъ „здохнетъ“, тѣмъ для нѣмцевъ лучше.

И вотъ туберкулезъ постепенно охватываетъ весь лагерь, и нѣтъ никакой надежды избѣжать этой страшной болѣзни.

Она захватываетъ всѣхъ.

Каждый увѣренъ въ своей судьбѣ: все равно отъ туберкулеза не убѣжишь.

На душѣ появляется спокойствіе. Начинаетъ болѣть грудь. Заболѣвшій только спокойно говоритъ товарищамъ: „а у меня докторъ нашелъ „беркулезъ“ (такъ плѣнные называютъ туберкулезъ).

И всѣ спокойны.

Спокойны нѣмцы, глядя, какъ почти ежедневно увеличивается число гробовъ, относимыхъ на кладбище.

Спокойны и мы, видя, какъ болѣзнь уноситъ нашихъ товарищей.

Радостный день для насъ былъ пріѣздъ сестры милосердія Самсоновой. Вотъ, дѣйствительно, въ этотъ день плѣнные отвели душу.

Пріѣхала русская сестра милосердія. Ей было предоставлено право осматривать лагерь и бесѣдовать съ плѣнными.

Долго мы ждали сестру Самсонову. Готовились разсказать ей о всѣхъ нашихъ страданіяхъ.

Когда сестра милосердія пріѣхала, нѣмцы повели ее осматривать лагерь.

Къ ея пріѣзду часть плѣнныхъ изъ землянокъ вывели и поселили въ баракахъ.

Нѣкоторымъ плѣннымъ выдали чистое бѣлье и чистую одежду.

Хотѣли нѣмцы обмануть русскую сестру и показать ей, что плѣннымъ живется хорошо. Но это имъ не удалось.

Даже пищу хотѣли нѣмцы улучшить на этотъ день, и на обѣдъ для всего лагеря заготовили сосисокъ.

Къ несчастью для нѣмцевъ, сестра милосердія пріѣхала въ нашъ лагерь на три дня позже, чѣмъ расчитывали нѣмцы.

Сосиски исчезли, и въ день пріѣзда Самсоновой пришлось нѣмцамъ выдать намъ обычную брюкву.

Землянки загородили заборомъ, какъ-будто бы тамъ никогда никто и не жилъ.

И надули бы сестру милосердія, да наши плѣнные не дали.

Когда сестра Самсонова проходила около забора у землянокъ, то къ ней подбѣжалъ одинъ нашъ солдатъ и спросилъ, была ли она въ землянкахъ?

Волей-неволей нѣмцамъ пришлось повести сестру и показать землянки.

Осмотрѣвъ землянки, сестра Самсонова покачала головой и ужаснулась: въ такихъ помѣщеніяхъ могли жить люди!

Затѣмъ, послѣ осмотра лагеря, сестра Самсонова пошла въ баракъ къ русскимъ докторамъ.

Въ это время нѣмецкіе унтеръ-офицеры выстроили всѣхъ плѣнныхъ поротно. Всѣмъ плѣннымъ, подъ угрозой тюрьмы, было запрещено бесѣдовать съ сестрой.

Разрѣшено было только проститься съ нею.

Прощаніе съ сестрой нѣмцы предполагали обставить торжественно. Тутъ же явился фотографъ съ аппаратомъ, чтобы снять сестру милосердія съ плѣнными и съ нѣмецкими унтеръ-офицерами.

Надежды нѣмцевъ сняться на карточкѣ вмѣстѣ съ русской сестрой милосердія не удались.

Русская сестра разбила ихъ мечты.

Когда она, выйдя изъ докторскаго барака, узнала о намѣреніи нѣмцевъ сняться съ ней на карточкѣ, она сейчасъ же потребовала, чтобы нѣмецкіе унтеръ-офицеры убрались.

Имъ пришлось повиноваться и уйти, такъ какъ сестра Самсонова имѣла право бесѣдовать съ плѣнными безъ нѣмцевъ.

Вмѣстѣ съ нѣмцами скрылся и сконфуженный фотографъ.

Плѣнные немедленно окружили сестру, и началась бесѣда.

Все разсказали плѣнные русской сестрѣ.

Разсказали о томъ, какъ ихъ избиваютъ нѣмцы, какъ морятъ голодомъ, какъ мучатъ въ тюрьмѣ.

Сестра безъ слезъ не могла слушать разсказы плѣнныхъ объ ихъ жизни.

Дѣйствительно, разсказы были настолько ужасны, что трудно было повѣрить, чтобы люди могли такъ озвѣрѣть.

Невольно сестра спросила плѣнныхъ: „неужели же нѣтъ ничего хорошаго въ обращенiи съ вами нѣмцевъ? Разсказывайте мнѣ и хорошее, такъ какъ въ Россiи необходимо знать и хорошую сторону въ отношенiяхъ нѣмцевъ къ русскимъ плѣннымъ“.

Но хорошаго плѣнные ничего не могли разсказать.

Да и очевидность сама говорила за себя.

Всѣ были истомленные, изнуренные голодомъ, въ изорванныхъ одеждахъ, почти босые.

Дѣло въ томъ, что хотя нѣмцы и пытались къ прiѣзду сестры одѣть плѣнныхъ, но на всѣхъ одежды не хватило.

Большинство плѣнныхъ попрежнему стояли полураздѣтые, въ изодранныхъ рубашкахъ, безъ шинелей.

На ногахъ надѣты были деревянныя туфли, какъ обычно ходили плѣнные въ лагерѣ.

Узнала сестра, что и баня, которой хвалились передъ ней нѣмцы, служитъ только предметомъ издѣвательства надъ плѣнными и является мѣстомъ мученiя для плѣнныхъ.

Разсказали плѣнные и о томъ, какъ нѣмцы кощунствуютъ въ церкви, какъ они не допускали русскихъ священниковъ напутствовать умирающихъ больныхъ.

Попытка нѣмцевъ показать сестрѣ, что они обращаются съ плѣнными хорошо, не удалась.

Плѣнные не испугались нѣмецкихъ угрозъ и все разсказали сестрѣ.

5. Побѣги.

Бѣгали изъ нашего лагеря много.

Первый побѣгъ былъ совершенъ въ страстную субботу и кончился очень печально.

Группа подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ, во главѣ съ подпрапорщикомъ Финляндскаго полка Даниленко, организовала большой побѣгъ изъ лагеря.

Были устроены плоты, на которыхъ плѣнные предполагали перебраться на другую сторону рѣки Гавель, которая окружаетъ нашъ лагерь.

Благодаря предательству, нѣмцы узнали объ этомъ побѣгѣ, и вотъ по бѣглецамъ была открыта пальба.

Бѣглецы уже были на срединѣ рѣки, когда ихъ догнала моторная лодка, наполненная нѣмецкими солдатами.

Нѣмцы даже близко не подплыли къ бѣглецамъ и безъ всякаго оклика открыли по нимъ пальбу.

Подпрапорщикъ Даниленко былъ раненъ и утонулъ въ рѣкѣ.

Во время перестрѣлки на плотахъ поднялась суматоха.

Плоты перевернулись, и всѣ бѣглецы очутились въ водѣ.

Имъ всѣмъ удалось ухватиться за брошенные нѣмцами канаты и спасательные круги.

Это былъ первый побѣгъ.

Интересенъ побѣгъ былъ двухъ плѣнныхъ, которые перебрались черезъ рѣку днемъ, на глазахъ нѣмецкихъ часовыхъ.

На берегу рѣки стояли огромныя бутыли изъ-подъ креозола.

Бутылки были вмѣстимостью до 3 ведеръ.

Вотъ наши бѣглецы взяли каждый по одной бутылкѣ и, держась за горло, переплыли рѣку.

Долго еще мы видѣли на другомъ берегу эти брошенныя бутылки.

Отважныхъ бѣглецовъ поймали только черезъ нѣсколько дней.

Грандіозный побѣгъ плѣнные предполагали устроить при помощи подкопа.

Изъ землянокъ, на протяженіи полутораста шаговъ начали вести подкопъ.

Подкопъ проходилъ подъ заборомъ и выходилъ въ рощу за линіей постовъ.

Долго работали наши солдаты надъ этимъ подкопомъ. Въ общемъ на подкопъ было затрачено полтора мѣсяца непрерывнаго труда.

Когда подкопъ былъ уже вырытъ достаточно большой, въ немъ начались обвалы, приходилось укрѣплять землю. Были изъ досокъ сдѣланы особыя скрѣпы, чтобы поддерживать отъ обвала землю.

Въ одномъ мѣстѣ уже по ту сторону забора ночью образовался обвалъ.

Почти на глазахъ нѣмецкихъ часовыхъ пришлось подправлять обвалъ, маскировать его и засыпать пескомъ.

Работы велись въ большихъ размѣрахъ. Непрерывно день и ночь.

Бывало, работаешь въ подкопѣ и слышишь, какъ сверху ходитъ нѣмецкій часовой.

Нѣмецкіе часовые, повидимому, услыхали стукъ лопатъ подъ землей.

На другой день нѣмецкіе рабочіе съ лопатами начали искать подкопъ, но поиски оказались безрезультатными.

Много плѣнныхъ надѣялось бѣжать при помощи этого подкопа.

Не случись несчастья, которое открыло подкопъ нѣмцамъ, многимъ бы изъ насъ удалось бѣжать.

Въ первой партіи бѣжавшихъ черезъ подкопъ былъ вольноопредѣляющійся Лгаловъ, который, выбираясь изъ подкопа, упалъ и вывихнулъ руку.

На другой день его въ безчувственномъ состояніи подобрали нѣмцы.

Лгаловъ покаялся, что онъ бѣжалъ черезъ подкопъ.

Такимъ образомъ, подкопъ—трудъ упорной работы въ теченіе полутора мѣсяцевъ—открылся, и удался побѣгъ черезъ него всего только одному изъ плѣнныхъ, какому-то старому польскому контрабандисту.

Вообще побѣговъ было много, но всѣ они оказывались неудачными, и почти всѣхъ бѣглецовъ приводили обратно.

Дѣло въ томъ, что въ Германіи такъ развито шпіонство, что даже существуетъ правило шпіонить за каждымъ незнакомымъ, все равно нѣмецъ онъ или кто другой.

Постановленія шпіоновъ во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ расклеены на каждомъ шагу.

Согласно этимъ постановленіямъ, каждый нѣмецъ или нѣмка при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо на улицѣ или въ полѣ обязательно должны поговорить и выяснить, дѣйствительно ли разговаривающій съ нимъ нѣмецъ.

Подозрительность такъ развита, что малѣйшій неловкій или непонятный отвѣтъ, и нѣмецъ спѣшитъ отвести подозрительнаго для него субъекта къ жандарму.

Много нашихъ плѣнныхъ бѣглецовъ попадались такимъ путемъ въ руки нѣмецкихъ жандармовъ.

Незадолго до моего отправленія въ Россію въ лагерь были возвращены бѣжавшіе оттуда вольноопредѣляющіеся Федяковъ и фельдшеръ Лѣпша.

Бѣгали они около мѣсяца. Мы всѣ были увѣрены, что они уже находятся далеко за предѣлами нѣмецкой досягаемости, но оказалось, что наши надежды не оправдались.

Когда ихъ привели обратно въ лагерь, ихъ посадили на 20 сутокъ въ тюрьму.

Это—обычное наказаніе за побѣгъ, при чемъ срокъ заключенія увеличивается въ зависимости отъ того, удастся ли нѣмцамъ обвинить бѣжавшаго въ кражѣ яблокъ, картофеля или даже колосьевъ.

Дѣло въ томъ, что при обыскѣ пойманныхъ бѣглецовъ у послѣднихъ постоянно находятъ картофель, колосья, а иногда и фрукты.

Вотъ это даетъ поводъ нѣмцамъ обвинить бѣглецовъ въ кражѣ и назначить имъ лишнее наказаніе.

Обычно, за такую „кражу“ полагалась тюрьма еще на 15—20 дней.

Пойманный бѣглецъ подвергался суду, который его приговарилъ къ аресту за побѣгъ и за кражу.

Сидѣніе въ тюрьмѣ до суда не засчитывалось.

Бывали случаи, что бѣглецъ сидитъ до суда мѣсяцъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ еще мѣсяцъ въ тюрьмѣ послѣ приговора.

Федяковъ и Лѣпша благополучно дошли до галландской границы и, какъ оказалось, провели около этой границы 4 дня.

Перейти границу невозможно.

Нѣмцы нейтральныя границы охраняютъ очень строго, такъ какъ за послѣднее время очень усилилось дезертирство нѣмцевъ въ нейтральныя страны.

Правительство приняло рѣшительныя мѣры. И вотъ граница съ Голландіей, куда больше всего бѣгутъ нѣмцы, теперь находится подъ такимъ надзоромъ властей, что ее перейти невозможно.

Черезъ каждыя три сажени находится электрическій фонарь.

Вся граница въ колючей изгороди.

Черезъ каждыя три сажени находятся часовые. Всюду разъѣзжаютъ конные патрули.

Пролежали около голландской границы наши бѣглецы четверо сутокъ.

Видѣли свободную землю, но перейти никакъ было нельзя.

Тогда они рѣшили итти на Бельгію, чтобы тамъ попытаться проникнуть въ Голландію.

И вотъ, когда они проходили деревню, имъ попался какой-то рабочій, который ихъ остановилъ и сталъ ихъ распрашивать.

Отвѣты ихъ показались ему неудовлетворительными. Онъ побѣжалъ въ деревню, собралъ толпу крестьянъ и бѣглецовъ поймали.

6. Работы плѣнныхъ.

Въ первый разъ, помню, насъ погнали копать картошку.

Работа недалеко отъ г. Бранденбурга.

Обрадовались: хотя погуляемъ немного.

Дорога шла черезъ городъ.

Бранденбургъ какъ-будто вымеръ. Улицы пусты.

Бѣгаютъ дѣти. Попадаются женщины. Большею частью старухи: молодыя всѣ на работахъ.

Одна мысль, что мы не въ лагерѣ, уже веселитъ насъ.

Бѣгутъ навстрѣчу ребята.

„Проклятые, проклятые“—раздаются дѣтскіе крики по нашему адресу.

Вотъ какой-то карапузъ, лѣтъ 5—6, въ военной формѣ (въ Германіи всѣ дѣти въ военной формѣ), пытается бросить въ насъ камнемъ.

„Россіи конецъ“—кричитъ другой такой же нѣмецъ въ коротенькихъ панталончикахъ.

Картину враждебности дополняетъ какая-то старуха, грозящая намъ кулакомъ.

Беззубымъ ртомъ она еле шамкаетъ: „проклятые“.

Но это насъ не смущаетъ. Мы привыкли.

Приходимъ въ поле. Начинаются работы.

Часовые садятся въ сторонѣ.

Достаютъ свои бутылочки и начинаютъ выпивать.

Намъ дали урокъ—выкопать картошку на означенномъ участкѣ.

Не выкопаешь—попадетъ.

Стараемся, копаемъ.

Вдругъ около меня очутилась какая-то старуха.

Тоже копаетъ картофель.

Только кладетъ его не въ общіе мѣшки, а прячетъ къ себѣ въ карманы и за пазуху.

Оглянется на часовыхъ и опять за свое дѣло.

Долго смотрѣлъ я на нее.

Наконецъ, не вытерпѣлъ и говорю: „чего ты боишься, кради больше, вѣдь нѣмецкаго добра мнѣ не жалко“.

И получилъ отвѣтъ: „папашенька“,—(не знаю, почему она меня такъ назвала) „вѣдь свое краду. Поле это мое, а взять нельзя. Дѣти голодны. Ѣсть просятъ. Вотъ и краду“.

Все разъяснилось.

Картофель тоже выдавался, какъ и хлѣбъ, только по особымъ карточкамъ.

Вотъ и приходится со своего же поля воровать.

Когда намъ объявили, что насъ отправятъ на работы, мы всѣ этому обрадовались.

Даже больные, и тѣ стремились на работы.

Да и какъ не стремиться. Здѣсь, въ лагерѣ, что ждетъ впереди?

Въ лучшемъ случаѣ—смерть отъ истощенія.

Правда, здѣсь къ смерти всѣ относятся спокойно.

Но пока она къ вамъ придетъ, то до тѣхъ поръ нѣмецъ своими истязаніями всѣ жилы изъ насъ вымотаетъ.

Въ лагерѣ на работы смотрѣли, какъ на средство избавиться отъ голода и избіенія.

Когда начали записывать на сельскохозяйственныя работы, то отъ желающихъ не было отбоя.

Сначала нѣмцы отбирали на работы только тѣхъ, у кого сохранилась своя одежда, но затѣмъ стали брать всѣхъ.

Тутъ-то мы увидѣли, что добровольная запись была объявлена только для проформы.

Нѣмцы начали вносить въ списки рабочихъ даже слабыхъ плѣнныхъ, недавно выписавшихся изъ лазарета.

Въ связи съ отправленіемъ на работы для нѣмцевъ представился новый случай поистязать плѣнныхъ.

Дѣло въ томъ, что, не знаю, изъ какихъ соображеній, нѣмецкіе власти приказали уничтожить у плѣнныхъ предъ отправленіемъ на работы волосы на тѣлѣ.

Была привезена какая-то кислота, которой начали вытравлять волосы.

Кислота была очень ядовита. Намажутъ ею тѣло. Оно горитъ огнемъ. Волосы немедленно вылѣзаютъ, а на мѣстѣ ихъ появляются какіе-то волдыри.

У одного изъ плѣнныхъ отъ этой кислоты лопнула кожа въ паху.

Пришлось несчастнаго отправить въ лазаретъ.

Послѣ этого случая кислоту начали давать слабѣе, но все-таки процессъ „смазыванія“ остался попрежнему болѣзненнымъ.

Вздумали наши сами брить себѣ волосы, но это не помогло. Нѣмцы все-таки бритые мѣста смазывали кислотой.

Тяжело подѣйствовало на нашихъ солдатъ эта, совершенно, безсмысленная и ничѣмъ не оправдываемая операція.

Но что дѣлать? Приходилось мириться.

Въ это время нѣмцы были особенно свирѣпы: наказаніе слѣдовало за наказаніемъ.

На сельскохозяйственныя работы отправили изъ нашего лагеря около 3.000 плѣнныхъ.

Около 4.000 человѣкъ было отправлено на казенныя работы: проведеніе желѣзныхъ дорогъ, шоссе, осушеніе болотъ, постройка зданій, работа въ каменноугольныхъ копяхъ и рытье окоповъ.

Около 3.000 человѣкъ, хотя и оставалось въ лагерѣ, но ихъ ежедневно гоняли на работы—600 человѣкъ увозили по утрамъ на баржѣ на островъ на рѣкѣ Гавель, остальныхъ гоняли на ближайшіе заводы и на полевыя работы къ сосѣднимъ помѣщикамъ.

О работахъ первыхъ двухъ партій мы узнали только осенью, когда часть нашихъ товарищей вернулись въ лагерь. О казенныхъ работахъ мы узнали случайно отъ возвратившихся больныхъ плѣнныхъ.

Не ходило на работы изъ лагеря всего около 2.000 плѣн-

ныхъ—кухонная и банная команда, фельдшера, санитары и больные.

Изъ выздоравливающихъ больныхъ была образована особая слабосильная команда.

Предполагалось сначала этихъ больныхъ откормить, а затѣмъ уже отправлять на работы.

Однако, кормить ихъ лучше не стали, а на работы начали гонять съ перваго же дня по выпискѣ ихъ изъ лазарета.

Иной плѣнный изъ слабосильной команды съ трудомъ ходитъ отъ слабости, а его гонятъ на работы въ склады снарядовъ.

Работа изнурительная. Приходится цѣлый день таскать тяжести.

Поработаетъ такой плѣнный 1—2 дня, а на третій просится въ лазаретъ, но не тутъ-то было.

Ротный не признаетъ его больнымъ.

Обругаетъ „лѣнивая свинья", изобьетъ палкой и отправитъ на работы.

Трудъ невольниковъ—дѣтская забава въ сравненіи съ трудомъ русскихъ плѣнныхъ въ Германіи.

Сначала возвратилась въ лагерь партія въ 60 человѣкъ—всѣ больные, двое калѣкъ.

Изъ этой партіи значительная часть возвратилась въ Россію въ качествѣ инвалидовъ, а вѣдь до работъ всѣ они были здоровы и сильны.

Вотъ что разсказывали эти несчастные нѣмецкіе невольники.

Ихъ партію отправили еще въ ноябрѣ 1914 года. Срочно для какого-то помѣщика потребовалось 60 человѣкъ плѣнныхъ.

Работали они по осушенію болотъ. Работа продолжалась всю зиму.

Приходилось зимой стоять въ канавѣ по колѣно въ водѣ.

Одежда обледенѣетъ. Плѣнный чувствуетъ, что онъ замерзаетъ

Выбѣжитъ изъ канавы. Бѣгаетъ, старается согрѣться.

Но и этого дѣлать не позволяется. Часовой прикладомъ заставляетъ снова приниматься за работу.

Работа эта начинается въ 8 часовъ утра и продолжается до 8 часовъ вечера.

Ѣду даютъ обычную, лагерную, и то два раза въ день—передъ отправленіемъ на работу и послѣ возвращенія съ работъ.

Спать приходится въ холодномъ баракѣ.

Придутъ съ работъ иззябшіе, полузамерзшіе люди, а имъ даже и согрѣться негдѣ.

Нѣтъ возможности даже оттаять обледенѣвшее платье.

Такъ и спали въ обмерзлой одеждѣ.

Запирали ихъ въ баракѣ на замокъ, такъ что за естественной надобностью нельзя было выйти.

Плѣнные постоянно ходили простуженные. На больныхъ не обращали никакого вниманія

Тяжело больныхъ прикладами заставляли итти на работы.

Кто же былъ настолько слабъ, что его не могли никакіе приклады поднять, оставался запертымъ въ баракѣ.

Медицинской помощи никакой. Двое отморозили въ баракѣ ноги.

Ихъ пришлось отнять.

Вѣдь эти инвалиды вернулись въ Россію. Они—живые свидѣтели всѣхъ этихъ звѣрствъ.

На этихъ работахъ платы не полагалось никакой.

Послѣ 6 мѣсяцевъ работъ всѣ эти 60 плѣнныхъ оказались тяжело больными.

Всѣмъ имъ приходилось работать подъ присмотромъ всегда пьяныхъ часовыхъ, которыхъ помѣщикъ постоянно усердно поилъ виномъ.

Общее заявленіе плѣнныхъ, работавшихъ на сельскохозяйственныхъ работахъ, что какъ у крупныхъ помѣщиковъ, такъ и у отдѣльныхъ крестьянъ, работать голодно.

Въ экономіяхъ пища обычная лагерная, а крестьянамъ и самимъ ѣсть нечего.

Хуже всего работать въ экономіяхъ, гдѣ плѣнные работаютъ партіями въ 30—60 человѣкъ.

Только къ 9-ти часамъ плѣнные окончательно освобождаются.

Затѣмъ ужинъ. Нѣкоторые кипятятъ себѣ чай.

Большинство же бываетъ такъ истощены работой, что и не ужинаютъ.

Повалятся на нары и спятъ голодные.

А завтра въ 4 часа снова вставать, и такъ все лѣто—безъ перерыва.

Правда, по воскресеньямъ работъ нѣтъ, но этотъ праздникъ превращается въ сплошное мученье для плѣнныхъ.

Во-первыхъ, въ воскресенье съ ранняго утра баня, на которую приходится затрачивать по 8—9 часовъ.

Затѣмъ нѣмецкіе унтеръ-офицеры, пробывъ 6 дней безъ дѣла и имѣя возможность бить только не рабочую часть лагеря, стараются въ воскресенье вознаградить себя съ лихвой за потерянное время.

Бьютъ буквально смертнымъ боемъ. На повѣркѣ ударитъ нѣмецъ плѣннаго ногой. Тотъ падаетъ, а нѣмецъ изъ всѣхъ силъ продолжаетъ пинать лежачаго.

На заводахъ, ближайшихъ къ лагерю, работы были также тяжелы.

Приходилось имѣть дѣло съ раскаленными массами металла.

Предосторожностей никакихъ.

Какъ уже было сказано, горячія плиты заставляли брать голыми руками, вслѣдствіе чего у многихъ получились сильные ожоги рукъ.

На очень немногихъ заводахъ платили по 50 пфенниговъ въ день, но наши плѣнные готовы были изъ послѣднихъ крохъ заплатить имъ еще столько, чтобы только не ходить на эти поистинѣ каторжныя работы.

На большинствѣ же заводовъ платы никакой не полагалось, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти заводы работаютъ на казну.

Кромѣ физическихъ мученій, эти работы представляютъ собой и нравственную пытку.

Во-первыхъ, каждый нѣмецъ или нѣмка обращаются къ русскому плѣнному обязательно со словами: „проклятый", или „проклятая свинья".

Другихъ, болѣе ласкательныхъ словъ, у нѣмцевъ для русскихъ плѣнныхъ, повидимому, не имѣется.

Всѣ нѣмцы постоянно только и твердятъ о своихъ побѣдахъ.

Въ грязь топчутъ все святое, дорогое для русскаго.

Отвѣтить ничего нельзя—рискуешь попасть въ тюрьму.

Правда, на работахъ побоевъ меньше—нѣмцамъ некогда бить, но въ свободную минуту онъ не упуститъ случая, чтобы мимоходомъ не ударить „русской свиньи".

Особенно трудны работы въ снарядныхъ складахъ и на авіаціонныхъ заводахъ.

Тамъ на каждомъ шагу надпись: „Плѣннымъ входъ строго воспрещается".

За плѣнными тамъ по пятамъ ходятъ часовые. Малѣйшее подозрительное для часового движеніе со стороны плѣннаго и сейчасъ же ударъ прикладомъ или штыкомъ.

Постоянно приходится быть насторожѣ, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ не попасть въ немилость къ нѣмецкому часовому.

Работа съ утра до ночи. Гдѣ не хватаетъ рабочаго скота, тамъ пашутъ плѣнные.

Въ экономіяхъ бьютъ. Общее мнѣніе плѣнныхъ, что въ экономіяхъ нарочно спаиваютъ часовыхъ, чтобы они свирѣпѣе относились къ плѣннымъ.

И дѣйствительно, часовые стараются. На работахъ только и слышны проклятія да удары прикладами.

На ночь плѣнныхъ запираютъ въ баракъ, при чемъ, въ предупрежденіе побѣга, у нихъ отбираютъ обувь.

У отдѣльныхъ крестьянъ плѣнныхъ не бьютъ. Одинъ часовой на всю деревню. Гдѣ ему успѣть.

Мужчинъ почти нѣтъ, а нѣмки бить плѣнныхъ не рѣшаются.

Голодали постоянно. Только и было утѣшеніе: хозяева тоже голодаютъ.

На сельскохозяйственныхъ работахъ плѣннымъ ничего не платили.

Вернулись больные плѣнные, работавшіе въ копяхъ.

И тамъ ужасъ. Здоровыхъ плѣнныхъ тамъ совсѣмъ не цѣнили.

Предосторожностей никакихъ. Упадетъ глыба камня. Отдавитъ плѣнному ногу.

Лежитъ несчастный цѣлую недѣлю безъ всякой помощи. Потомъ обратятъ на него вниманіе и, если къ этому времени плѣнный не умретъ, то отнимутъ ему ногу. И вотъ инвалидъ готовъ.

Сколько вернулось въ Россію инвалидовъ, которые свои руки и ноги потеряли не въ сраженіяхъ, а въ нѣмецкихъ копяхъ и на заводахъ.

Еще ужаснѣе казенныя работы.

Возвратившіеся съ казенныхъ работъ плѣнные разсказываютъ такіе ужасы, передъ которыми блѣднѣетъ все сказанное выше.

На земляныя казенныя работы плѣнныхъ отправляютъ партіями въ 2.000—8.000 чел.

Живутъ все время подъ открытымъ небомъ. Одежда лагерная.

У кого только кальсоны да рубашки, а у другого изорванныя шаровары да фуфайка.

На ногахъ у большинства деревянныя туфли. Шинелей ни у кого не было.

Когда плѣнныхъ отправляли на частныя работы, то ихъ хотя немного одѣвали.

На казенныя же работы отправляли, кто въ чемъ былъ.

Работа происходила все время подъ непрерывнымъ градомъ ударовъ прикладами.

Плѣнныхъ буквально избивали, стараясь добиться отъ нихъ возможно большаго усердія къ работѣ.

Больные валялись въ полѣ. Никто даже не заботился отправить ихъ въ лазаретъ.

Было нѣсколько смертныхъ случаевъ больныхъ, по недѣлямъ лежавшихъ въ полѣ безъ медицинской помощи.

Часть больныхъ была возвращена съ работъ и верну-

лась къ намъ только потому, что на этихъ работахъ началась эпидемія сыпного тифа.

На этихъ работахъ пища выдавалась еще хуже, чѣмъ въ лагерѣ, такъ какъ кухни не было, и горячую пищу получали плѣнные не каждый день.

Еще хуже условія работъ по рытью окоповъ.

Много тысячъ русскихъ плѣнныхъ было отправлено въ Бельгію и на французскій фронтъ рыть окопы.

Немного ихъ оттуда возвратилось.

Въ нашъ лагерь вернулось нѣсколько калѣкъ.

Разсказываютъ они, какъ имъ приходилось работать.

Обращеніе значительно хуже, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ работахъ.

Черезъ каждые 3—5 плѣнныхъ обязательно стоитъ часовой.

Покажется ему, что плѣнникъ сдѣлалъ какое-то подозрительное движеніе.

Выстрѣлитъ изъ винтовки и несчастный падаетъ.

Никто даже не позаботится посмотрѣть, раненъ онъ или убитъ.

Свои товарищи подъ угрозой разстрѣла не смѣютъ даже подойти къ нему

Такъ и лежитъ несчастный. Если онъ раненъ, то терпѣливо ждетъ своего конца: онъ хорошо знаетъ, что перевязки ему все равно нѣмецъ не сдѣлаетъ.

Окопы часто приходится дѣлать подъ огнемъ французской артиллеріи, вслѣдствіе чего пища туда подвозится рѣдко.

Люди падаютъ отъ истощенія, а ихъ буквально колютъ штыками, чтобы заставить ихъ продолжать работы.

Возвратившіеся плѣнные разсказываютъ, что больные массами валяются около окоповъ.

Больныхъ выкидываютъ изъ окоповъ, и тамъ они лежатъ безъ всякой помощи.

Передаютъ, что нѣкоторыхъ больныхъ нѣмцы куда-то относили, но куда именно, было неизвѣстно.

Фактъ только тотъ, что больные плѣнные всегда съ ужасомъ глядѣли, когда къ нимъ подходили нѣмецкіе солдаты, чтобы ихъ куда-то отнести.

Обыкновенно больного относили въ ближайшій лѣсокъ. Черезъ нѣсколько минутъ часовые молча возвращаются.

Что они сдѣлали съ плѣннымъ, никто не знаетъ.

Извѣстно, только, что въ этомъ лѣскѣ никакого лазарета не было, и что относить туда больныхъ поручалось исключительно нѣмецкимъ солдатамъ.

Обычно же нѣмецкіе солдаты старались не прикасаться къ русскимъ больнымъ.

Наши плѣнные были увѣрены, что въ лѣскѣ „приканчиваютъ“ больныхъ плѣнныхъ.

Возвращаются изъ окоповъ плѣнные только благодаря счастливой случайности.

Въ нашъ лагерь возвратился больной изъ окопа только потому, что во время его болѣзни окопы были закончены и всѣхъ плѣнныхъ перевели въ лагерь.

Разсказываютъ, что одинъ окопъ, въ которомъ работали наши плѣнные, подвергся нападенію французской кавалеріи.

Нѣмцы бѣжали.

Часть нашихъ плѣнныхъ была освобождена французами и такимъ путемъ спаслась отъ нѣмецкаго рабства.

На эти работы плѣнные смотрятъ безнадежно.

Когда собираютъ партію рыть окопы, то каждый имѣвшій несчастіе попасть на эту работу смотритъ на себя, какъ на обреченнаго. Прощается плѣнный со своими товарищими и оставляетъ имъ адресъ своихъ родныхъ и только проситъ, чтобы, если о немъ долго не будетъ никакихъ вѣстей, извѣстить объ этомъ его родныхъ.

Вотъ безъ всякихъ прикрасъ картина работъ русскихъ плѣнныхъ въ Германіи.

На нѣкоторыхъ работахъ я былъ самъ. Самъ все испыталъ. Отъ казенныхъ работъ я избавился отчасти благодаря счастливой случайности, а, главнымъ образомъ, благодаря моей болѣзни, которая уже давно загнала меня въ лазаретъ.

Въ первое время болѣзнь меня не уберегла отъ работъ, и мнѣ пришлось побывать на „островѣ“ и на металлическомъ заводѣ, и картошку копать. Въ заключеніе болѣзнь свалила меня и только благодаря ей я не погибъ въ Германіи, какъ это случилось со многими изъ моихъ товарищей.

Обычно на работы изъ лагеря отправляютъ въ 6 часовъ утра.

Всѣхъ выстраиваютъ уже въ 4 часа. Въ это же время приносятъ „болтушку“.

На ходу приходится ѣсть. Надо спѣшить строиться.

Приходили нѣмцы, и начиналась повѣрка.

Считали людей и распредѣляли по партіямъ.

Обыкновенно на работы требовалось людей больше, чѣмъ лагерь могъ представить.

Кромѣ того, каждый день давалъ все новыхъ и новыхъ больныхъ.

Число рабочихъ сокращалось, а нѣмцы настаивали, чтобы строилось все больше и больше плѣнныхъ.

А гдѣ ихъ взять?

Вотъ и бѣгаютъ нѣмецкіе унтеръ-офицеры по баракамъ и землянкамъ и ищутъ рабочихъ.

Съ ругательствами били они палками плѣнныхъ, которые еще не успѣли выйти на повѣрку.

Иной плѣнный заболѣетъ ночью и не можетъ выйти на повѣрку.

Рабочіе нужны, и никакія мольбы не могутъ освободить больного отъ работъ.

Къ 6 часамъ начинается отправка. Работающихъ на островѣ садятъ на баржу, которую буквально набиваютъ биткомъ.

Не только сидѣть, но и стоять негдѣ. Приходится держаться за другихъ, чтобы не упасть въ воду.

Нечего дѣлать, кое-какъ примостишься и ѣдешь.

Правда, ѣхать не долго—всего 40 минутъ, но мученій за это время приходилось испытывать много.

На островѣ работы разнообразны.

Здѣсь возводятся колоссальныя зданія для заводовъ и складовъ, планируется мѣстность и проводятъ желѣзныя дороги.

Весь день работаютъ плѣнные безъ отдыха.

На обѣдъ полагается небольшой перерывъ, достаточный лишь для того, чтобы только успѣть съѣсть свою порцію.

За всѣмъ слѣдятъ нѣмцы.

Если они видятъ, что плѣнный, по ихъ мнѣнію, медленно работаетъ, или что онъ немного задержался во время обѣда, они сейчасъ же пускаютъ въ ходъ кулаки или палки.

На этихъ работахъ нѣмцы не считаются съ силами плѣнныхъ.

Приходится 5-пудовые мѣшки съ цементомъ таскать на 5-й этажъ.

И заставляютъ таскать мѣшокъ обязательно одного. Навалятъ на спину и тащи.

Можешь, не можешь—это ихъ не касается.

Только и слышны крики: „впередъ, проклятыя свиньи“.

И приходится таскать такую тяжесть.

Поработаетъ плѣнный на такой работѣ день, а на другой день спины не можетъ разогнуть.

Бывали случаи, что и въ первый день съ этихъ работъ плѣнныхъ относили въ лазаретъ.

На островѣ всѣ работы сданы подрядчикамъ, которымъ выгодно, какъ можно больше выбить изъ плѣнныхъ.

И выбиваютъ. Нѣкоторые до того обезсиливаютъ на этихъ работахъ, что больше ходить не могутъ.

Только ударами и заставляютъ нѣмцы ихъ двигаться.

Планировка мѣстности—это тоже каторжная работа: цѣлый день только и знаешь землю копать да вагонетки возить.

Отдохнуть нельзя.

Обливаются потомъ, изнемогаютъ отъ усталости плѣнные, а все-таки работаютъ.

Нѣмцы обѣщали на работахъ давать мясо, но это только и осталось обѣщаніемъ.

Изъ брюквы много силъ не почерпнешь.

Платили на этихъ работахъ (только не всѣ подрядчики) по 70 пфенниговъ (30 коп.) въ день. Что на эти деньги можно купить?

Мясо стоитъ 3 марки (около $1^1/_2$ рубля) фунтъ. Да еще и за деньги его не купишь. Хлѣба совсѣмъ нельзя купить.

Можно купить только сахаръ, селедку да папиросъ.

Работы на островѣ оканчивались въ половинѣ 7-го вечера.

Слѣдовательно, рабочій день нашихъ плѣнныхъ въ Германіи приблизительно равенъ 11 съ половиною часамъ непрерывнаго труда.

По окончаніи работъ опять посадка на баржу.

Въ лагерѣ снова повѣрка и поименная перекличка, на что уходитъ около 2 часовъ.

7. День рожденія Вильгельма.

Въ день рожденія Вильгельма весь лагерь украсился флагами.

Съ утра играетъ музыка. Чуть свѣтъ ужъ нѣмцы пьяны.

Отъ нашего ротнаго за 5 верстъ несетъ шнапсомъ.

Въ воздухѣ чувствуется праздникъ. Сегодня нѣмецкіе „унтеры“ не такъ свирѣпы—удары палокъ рѣже.

Плѣнные смѣются:

„Вишь ты, рожденіе Вильгельма, именинникъ и намъ легче. Вотъ только одного ротный ударилъ палкой, да разъ пихнулъ въ животъ. Праздникъ“.

Пришелъ ротный. Нашъ Вольфъ всегда на-веселѣ, но сегодня его качаетъ изъ стороны въ сторону.

Старается выдержать мирный тонъ. Только разъ закричалъ: „кто тамъ кашляетъ? Въ моемъ присутствіи не кашлять“.

„По случаю дня рожденія императора Вильгельма, сегодня вамъ будетъ угощеніе—экстра“.

Слова эти имѣютъ магическое значеніе для солдатъ. „Хоть одинъ день поѣдимъ“, говорятъ они и радуются.

Дѣйствительно, въ нашемъ голодномъ существованіи, хоть разъ хорошо поѣсть,—это уже многаго стоитъ.

Солдаты довольны. Ждутъ не дождутся обѣщанной „экстры“. Послѣ обѣда приносятъ давно жданную „экстру“.

Открываютъ баки. Обыкновенный жидкій чай (даже не чай, а какая-то трава).

Ни сахара, ни хлѣба.

Роздали по мискѣ теплой водички—вотъ и вся „экстра“.

„Вотъ такъ угостилъ. Ну и Вильгельмъ. Будемъ помнить день его рожденія. Пить бы ему всю жизнь такую экстру“.

Хоть и непріятно разочарованіе, но всѣмъ весело: хорошо угостилъ нѣмецъ. А нѣмцы веселятся. Играетъ музыка. Слышно пѣніе.

8. Солдаты поневолѣ.

Былъ я въ лагерѣ А.

Однажды въ баракъ къ намъ зашелъ нѣмецкій часовой-полякъ.

Дѣло было вскорѣ послѣ взятіи Варшавы.

Плачетъ часовой, разсказываетъ, что ему приходилось быть на русскомъ фронтѣ.

Былъ раненъ два раза.

„И за какое дѣло приходится сражаться. Съ проклятыми нѣмцами противъ братьевъ“.

Юноша-часовой горько плачетъ.

„А теперь опять посылаютъ меня. Отправляютъ подъ Ригу. И въ плѣнъ сдаться нельзя. У меня мать и двѣ сестры въ Познани. Нѣмцы ихъ извѣдутъ.

Что мнѣ дѣлать?“

Долго еще плакалъ часовой. И нечѣмъ намъ его было утѣшить.

Картина странная—нѣмецкій часовой въ каскѣ плачетъ среди русскихъ плѣнныхъ, а тѣ стараются его утѣшить.

„Проклятыя быдла“,—въ послѣдній разъ выругалъ часовой нѣмцевъ, взялъ винтовку и вышелъ изъ барака.

Вышелъ и я.

Смотрю—ко мнѣ подходитъ другой часовой, маленькаго роста черненькій.

На лицѣ нѣтъ обычной нѣмецкой свирѣпости.

Ласково киваетъ мнѣ головой и шепчетъ: „товарищъ, Германіи конецъ“.

Я невольно отъ него отскакиваю.

Что это? Провокація?

Вѣдь за эти слова и плѣннаго и часового могутъ разстрѣлять.

Но секретъ скоро раскрывается.

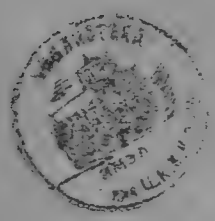
Оказывается, часовой—французъ изъ Эльзасъ-Лотарингіи.

Пришлось и ему, бѣднягѣ, надѣть нѣмецкую каску и итти за ненавистнымъ ему нѣмцемъ.

И вотъ, рискуя быть разстрѣленнымъ, часовой все-таки не утерпѣлъ.

При видѣ людей дружественной ему націи, онъ произнесъ свою фразу: „Германіи конецъ".

Хотѣлось вѣрить въ пророчество часового; хотѣлось всѣми силами содѣйствовать побѣдѣ надъ лютымъ врагомъ. Острѣе, чѣмъ кто-либо иной, мы, плѣнные, испытавшіе ужасы германскаго плѣна, понимали, сознавали, что не можетъ быть мѣста въ жизни той жестокости, тому безсердечію и варварству, которые лишь въ слабыхъ краскахъ я сумѣлъ передать въ своихъ воспоминаніяхъ.



[illegible]